

«МЫ РОЖДЕНЫ ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ...»

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЦДУ РАН

ЛИНОР

МОСКВА 2011

ББК 84 Р7
М94 15

«Мы рождены для вдохновенья...»: альманах произведений участников Литературного объединения Центрального дома ученых Российской Академии наук . – М.: Издательство «Линор», 2011. – 110 с.

Под редакцией к. филол. наук Л. И. Колодяжной

В книгу вошли произведения поэтов и прозаиков ЛИТО ЦДУ РАН. Книга состоит из двух частей. В первом разделе «Визитная карточка» каждый автор представляет одно свое произведение (стихотворение, рассказ, эссе), которое, на его взгляд он считает либо лучшим, либо наиболее выражающим его мировоззрение. Во втором разделе читатель может прочесть произведения авторов альманаха, посвященные поэтам, писателям, художникам, которых он чтит, которые дороги ему, которые, может быть, являются его литературными учителями.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Лариса Адлина. Стихи. Автопортрет	8
Сергей Буренко. Проза. «Детство в московской коммуналке»	10
Дмитрий Власов. Стихи. Кредо	13
Кира Гаврилова. Проза. Волшебник портрета	14
Лорина Ермилова. «Мой стих – птенец неоперившийся...»	17
Галина Колобова. Стихи. Зеленые листья	18
Галина Калюжная. Проза. Бабочка	19
Людмила Колодяжная. Стихи. Позови... ..	21
Светлана Комракова. Стихи. «Осыпается яблонь цветенье...»	23
Ирина Ловчикова. Стихи. Музыка	24
Галина Меркина. Стихи. Преддверие стиха	25
Наталья Мишина. Стихи. «Ты сказал, что уедешь в горы...»	27
Вера Николаева. Стихи. «Даже закат мой похож на восход...»	28
Виген Оганян. Эссе. У совести амнистий не бывает	30
Борис Ольхов. Стихи. «Стихи придумать невозможно...»	31
Людмила Плиско. Стихи. Все время бегу	32
Владимир Поляков. Эссе. Размышления зеленого листочка	34
Анатолий Потапов. Стихи. Силуэты	35
Людмила Саницкая. Стихи. «Прибежище и труд стихотворенья...»	36
Анна Станиславова. Стихи. «Все уже было, все уже стало...»	37
Елена Ткачевская. Стихи. Она и Он	38
Зинаида Фомина. Рассказ. Трясогузка	39
Татьяна Чернова. Стихи. Метель	41
Елена Шестакова. Эссе. Ссора	42

ПОСВЯЩЕНИЯ

Лариса Адлина. Стихи. Фраза на латинском	44
Дмитрий Власов. Проза. Гость из будущего.	48
Кира Гаврилова. Проза. Пикассо	50
Лорина Ермилова. Стихи. Парижу и Вийон	52
Галина Калюжная. Проза. Добро	53
Людмила Колодяжная. Стихи. Поэтам, жизнь мою сложившим	59
Светлана Комракова. Стихи. Поэтам и художникам	63
Ирина Ловчикова. Стихи. Поэтическое Гребнево.	66
Наталья Мишина. Стихи. Марине Цветаевой	68
Вера Николаева. Стихи. В. Пришвиной., И. Лиснянской.	69
Виген Оганян. Эссе. Воинствующий интеллигент.	71
Борис Ольхов. Стихи. Высоцкому, Вертинскому, Ахмадулиной	79
Людмила Плиско. Стихи. Поэтам, артистам, художникам	80
Владимир Поляков. Проза. Б. Окуджаве, В. Высоцкому, А. Твардовскому	84
Анатолий Потапов. Стихи. Роберту Бёрнсу	90
Людмила Саницкая. Стихи. Посвящения поэтам.	92
Анна Станиславова. Стихи. С эпиграфом из Ахматовой	101
Елена Ткачевская. Стихи. Булату Окуджаве.	102
Зинаида Фомина. Проза. Декабристки, Мой Пушкин	103
Татьяна Чернова. Стихи. Поэтесс	107
Елена Шестакова. Эссе. Притча.	108

ПРЕДИСЛОВИЕ

В романе «Доктор Живаго» Борис Пастернак высказал взгляд своего героя на роль искусства: «... искусство не годится в призвание, как не может быть профессией прирожденная веселость или склонность к меланхолии...». В Литературном объединении Центрального Дома ученых Российской Академии наук участвуют люди различных профессий – филологи, ученые, медики, математики, физики, художники... К ним непосредственно относится взгляд пастернаковского героя на искусство. Так же, как Юрий Живаго, помимо основной своей профессии, они занимаются литературным творчеством – пишут стихи, прозу, переводят с других языков, издают свои книги, выступают в литературных концертах. Для названия очередного коллективного альманаха Литературного объединения мы взяли пушкинскую строку из программного стихотворения Пушкина «Поэт и толпа»: «Мы рождены для вдохновенья...». Здесь уместно привести целиком строфу из этого стихотворения:

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв...»

И это так же верно, как и в пушкинские времена – мы пишем «не для корысти...», а потому что иначе не можем существовать. Перефразируя Декарта, мы можем сказать: «Я пишу, следовательно, я существую...».

Альманах состоит из двух разделов: «Визитная карточка» и «Посвящения». В «Визитной карточке» каждый автор представил одно свое

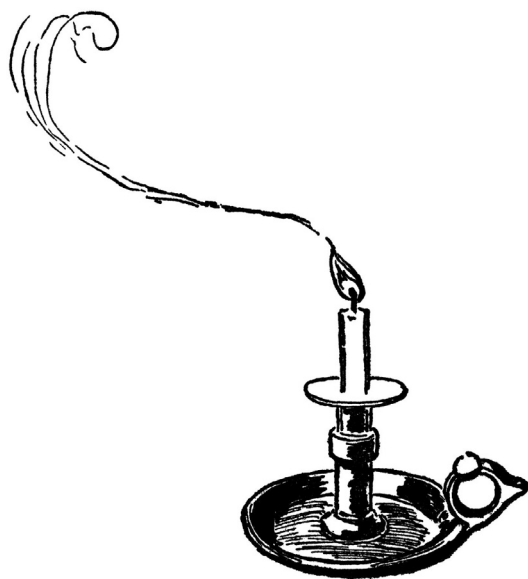
произведение (стихотворение, рассказ, эссе), которое, на его взгляд он считает либо лучшим, либо наиболее выражающим его мировоззрение. Во втором разделе читатель может прочесть произведения авторов альманаха, посвященные поэтам, писателям, художникам, которых он чит, которые дороги ему, которые, может быть, являются его литературными учителями.

Завершить предисловие к альманаху мы можем словами Булата Окуджавы:

«Каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...»

*Людмила Колодяжная
руководитель ЛИТО ЦДУ РАН.
Москва, 2011 год*

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

об авторе:

Кандидат технических наук. Работала научным сотрудником в Москве и в заполярье, в ПечорНИИ-Ипроекте. Последнее место работы – физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра физики моря. Член студии «Московитянка» в ЦДЛ, клуба «Московский Парнас», Московского союза профессиональных литераторов (секция прозы) и Союза писателей – переводчиков (секция поэзии). Рассказы, эссе, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в журналах, альманахах, в том числе детских и Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» – том 6. Автор книги стихов и рассказов «Ожидание радуги».

АВТОПОРТРЕТ

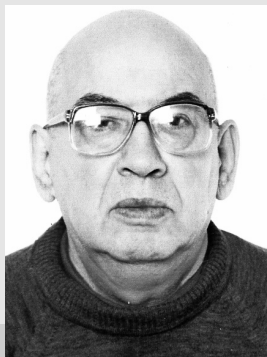
Кто научил, как холст и лист тетрадный
Свести в одну строку, один сюжет,
Тот научил творить из красок свет,
Мне выбрал путь таинственно-отрадный.

* * *

Скажу кто я: москвичка с карими глазами,
Во взгляде с искрой поэтической почти.
А в голове дела с наивными мечтами,
И есть упорство не сворачивать с пути.

Пишу я прозу и стихи по настроенью,
Пишу картины маслом (редко, как могу).
Ищу в словах у внуков – тайну вдохновенья,
В природе – силу. Но всё быстро, на бегу.
Играю в волейбол зимой в лесу отважно.
Для пианино мне минуту бы найти,
Наука манит новостей горой бумажной
И мимо книг не получается пройти.

Познать весь мир мне хочется мгновенно –
И там, и тут успеть – одновременно

об авторе:

Родился в 1937 году. Окончил МХТИ в 1959 году. Окончил аспирантуру Химфака МГУ в 1972 году. Кандидат химических наук. Писать прозу начал в 2003 году.

«ДЕТСТВО В МОСКОВСКОЙ КОММУНАЛКЕ»

В начале войны мне было 4 года, и я был отправлен в эвакуацию на Урал. Отец воевал, а мать (журналистка) посчитала, что ее место во фронтовой газете, а обо мне прекрасно позаботится родное государство. По поздним рассказам тети были пресечены «обывательские» попытки малограмотной бабушки купить на все деньги сахар и мыло. По прошествии десятилетий наивность коммунистической веры моей образованной мамы выглядит дико, как и лозунг «общественное выше личного», доведенный до крайности.

А на Урал приехали земные женщины, они спасали своих детей за счет «бесхозных», вроде меня. Там мы голодали. Я запомнил, что нас по праздникам кормили щами из крапивы и бутербродами из черного хлеба с редькой. Я вернулся домой в 1944 году. По случаю моего приезда на рынке была куплена картошка (по 200 руб. за кг). Мама пожарила ее с салом. Мне это было непривычно, я плакал и не хотел этого есть. Взрослые (мать и тетка) в это время ели картофельные очистки.

Когда я вернулся, мать оставила профессию журналиста и стала корректором, чтобы уйти от ненормированного рабочего дня. Мы жили на Петровке в большой коммунальной квартире. Наша комната была раньше частью анфилады. Окно третьего этажа выходило в глухую стену семиэтажного дома. Квартира (на нынешний взгляд) была живописна. Её прежняя хозяйка – купчиха Гаврилова – раньше владела мясной лавкой (магазином) на Охотном ряду. Себе она оставила большую квадратную

комнату в два окна, выходившие на Петровку. Почти такую же комнату заняла семья профессора-коневода Желиговского. Ещё две комнаты (поменьше) были у семьи юриста Крупенина. Остальные комнаты с окнами во двор были заняты (по принципу самоуплотнения), приказчиками купчихи, причем две семьи жили в одной комнате: одна у окна за занавеской, другая у двери. У мамы с бабушкой была почти такая же комната на них и на меня.

Еще была кухня, где располагались две газовые плиты. У каждого была «своя» конфорка и свой кухонный столик – один на семью. Обычно я ставил подогревать еду на сковородке и уходил в свою комнату читать. Зачастую соседи стучали мне в дверь и кричали «Сережа, у тебя горит!». Я выходил и забирал в комнату остатки еды.

Мама работала вечерами. Днем меня отправляли погулять «вокруг квартала» – я шел по Петровке налево, потом по улице Москвина, где стоит кирпичный теремок – филиал МХАТа, потом на Пушкинскую и по Столешниковому переулку снова на Петровку – домой. Столешников тогда был очень живописен – там был шикарный винный магазин, куда я заходил как в музей, а главное – кондитерская, куда меня посылали иногда за парой пирожных.

Когда я пошел в школу (168-ю), она была рядом – на углу улиц Москвина и Пушкинской, я попал в первый класс «К», а еще был 1 «Л». В классе обучалось человек по сорок.

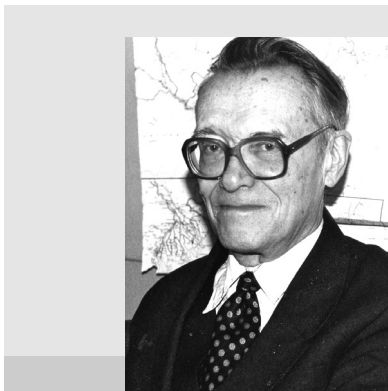
У нашей бывшей хозяйки была дочь – женщина лет сорока и внучка, моя ровесница. Мы общались, как зверята в зоопарке на площадке молодняка, не сознавая толком «классовых противоречий». В квартире возникали и распадались союзы и коалиции: кто-то с кем-то дружил, кто-то с кем-то враждовал. Время было голодное, всё получали по карточкам. От купеческой внучки (кажется, ее звали Таней), я впервые услышал о Боге в таком изложении: «Бабушка помолилась Богу, пришел дядька и принес морковки». Во дворе соседнего дома периодически устраивалась длинная очередь за мукой – там стояли часами. Номера писали химическим карандашом на ладошке. Появилась даже частушка: «А ступка с бабою-Ягой нахально прётся за мукой».

Когда мне было около десяти лет, упомянутая ровесница почти соблазнила меня, но приключение сорвалось, от того, что наша комната не запиралась на ключ. С тех пор она перестала со мной разговаривать на много лет (от стыда, от страха?).

Как-то классе в девятом у нас собрался семейный совет: мать, тетка и двоюродный брат – историк. Я по обыкновению лежал на диване и читал. Старшие задали мне жесткий вопрос: «Куда ты собираешься

поступать?». Я ответил, не задумываясь: «Конечно, на филологический факультет МГУ». «Почему?» – «Потому что я люблю читать». Родные посмотрели на меня с жалостью и объявили, что я не поступлю. Мне сказали, что набор там небольшой, а дети влиятельных людей тоже любят читать книжки. А также существуют могущественные ведомства, у сотрудников которых тоже есть дети. Первым было названо министерство торговли. «Если бы кто-то из нас там работал, ты поступил бы наверняка. А еще есть министерство обороны, ЦК ВКП (б), МГБ, наконец. Так что ты брось свои мечты и выбирай какой-нибудь технический ВУЗ».

С математикой и черчением у меня было не совсем хорошо. Зато я только что прочел книгу Поля де Крюи (он же Поль де Крайф) «Охотники за микробами» и понял, что это – моё. Микробиология и химия науки естественные, но эмпирические. Поэтому я отправился в МИТХТ (Институт тонкой химической технологии). Мне предложили заполнить анкету с вопросом: «были ли Вы или Ваши родственники в плену или на оккупированной территории?». Я понял, что это напрямую относится ко мне – отец во время войны был и там, и там. Испугавшись таких вопросов, я пошел в другой химический ВУЗ – Менделеевский. Там на факультете органического синтеза таких анкет не было. Я подал туда документы, поступил и успешно его закончил. В дальнейшем работал в НИИ и защитил диссертацию на химфаке МГУ.

об авторе:

Кандидат технических наук, проф. Московской Академии водного транспорта. Состоит в Литературном объединении ЦДУ РАН с 1993 года. Автор литературных очерков об А.С. Пушкине и рассказов, опубликованных в журналах: «Наука и жизнь», «Нева», Московский Парнас», альманаха «Пушкин с нами». Рассказ «Красная вода» получил II место на литературном фестивале «Славянские традиции» в 2010 году.

КРЕДО

Не молился, не постился,
грош не подавал.
Перед смертью не простился
с другом – опоздал...

Пил вино и был повесою
жен чужих желал
и ни Богу и ни Кесарю -
злата не отдал.

Сколько ж можно мелочиться,
слушать жизни гам?
Сколь нас в ту бездну мчится –
сколько будет – там...

Все же я – частица праха,
но не верю в Ад.
Как же я войду без страха
в створы Твоих врат?

об авторе:

Художник. Член Московского Союза художников.

Автор рассказов, эссе об искусстве.

Опубликовала сборник прозы: «Единственные» – о художниках.

ВОЛШЕБНИК ПОРТРЕТА

Весь месяц отпуска напряженно проработала в своей творческой студии.

Задолго до ожидаемого отдыха мечтала: наконец-то поработаю, «отведу душу». Но «душу» в мастерской пришлось отвести совсем на другое. Неожиданно, по просьбе сына, начала писать портрет его начальника – генерала. А он, как заколдованный, не поддается, не получается.

Вольный импрессионизм не подходит, а втиснуть себя в рамки жесткого реализма удастся с трудом.

После нескольких дней безрезультатной борьбы с холстом, вспоминая: у меня случайно остался портрет художника, который всю свою творческую жизнь писал портреты. А портрет был именно военного, нужно найти и посмотреть, как писал он.

Порывшись в рулонах старых холстов с дальней полке антресолей... Вот он. Нашла! Развернула. Закрепила на мольберте. Села напротив смотреть.

Даже когда пишу эти строки, мне хочется остановиться, сделать хотя бы секундную паузу.

Заколдованно замерла изумленная.

Закрыла этюдник, отложила кисти, взяла бумагу и начала писать свои воспоминания о необыкновенно удивительном человеке, художнике, портретисте.

Начинал он свои портретные шедевры сразу кистью, без предварительных рисунков углем или карандашом. И его кисть с первых же прикосновений наносила на холст цветовой мираж, он начинал писать не самого человека, а как бы его цветную ауру.

Я удивлялась, откуда и как он видит этот мерцающий цвет.

И самое удивительное, что это мерцание, эти тонкие нюансы цвета из точек, штрихов и пятен складывались в абсолютно реальное изображение, точно передавая индивидуальные черты и удивительнее всего – точную передачу состояния и настроения, поэтому он часто говорил: «Не делай вредное лицо, я люблю писать хорошее настроение». И весь его летучий поток из точек и штрихов собирался в живописный, с неповторимо живым, выразительным взглядом портрет.

Портреты, да и все остальное, он писал только с натуры. Когда не было натуры, в мастерской всегда был поставлен очередной натюрморт.

Натурой для портрета и атрибутами для натюрморта обеспечивала Симочка.

Миниатюрная, худенькая, видимо неудачная художница или искусствоведка, она была общей натурщицей в мастерских на Масловке. А так как Грише постоянно нужна была натура, она надолго задержалась в мастерской у такого тихого, приветливого и необыкновенно талантливого художника, который писал с нее бесконечные «ню».

На холсты рой за роем слетались перламутровые мазочки, создавая миниатюрные жемчужины.

Обнаженная Симочка – это мираж жемчужины на холсте, в окружении неприхотливых аксессуаров.

У Гриши не иссякало вдохновение писать эту миниатюрную, перламутровую женщину. Он колдовал у холстов, собирая свои драгоценные россыпи в целомудренные полотна.

Японские искусствоведы увидели их и оценили. «Обнаженную Симочку» вместе с Гришей повезли в Токио.

Шикарный каталог, помпезное открытие выставки, которая имела необыкновенный успех. Все живописные полотна с выставки были проданы.

А на Масловке опять продолжалась привычная жизнь богемы.

Спокойный, сосредоточенный, неторопливый Гриша, оживал только у мольберта. Становясь Энергичным, зорким, непримиримым, он превращался в шамана. Кистью по холсту, как по бубну, начинал бить то тихо и ласково, то энергично сметая свои россыпи в один угол, то ударяя по углам, сгонял их к середине.

Постепенно, из хаоса живописного мерцания проявлялся образ: точный, конкретный, живописный, необыкновенно живой.

Холст торжествовал! Он становился шедевром.

Счастливый художник мыл кисти и чистил палитру.

На выставках у портретов Григория Израильевича Цейтлина толпятся люди: учатся, восхищаются уникальным мастерством – Волшебника портрета.

об авторе:

Окончила Филологический факультет МГУ, романо-германское отделение по специальности – французский язык и литература. Работала переводчиком патентной и научно-технической литературы. Публиковалась в коллективных сборниках и Литературной газете. Участница нескольких Литературных объединений Москвы.

МОЙ СТИХ – ПТЕНЕЦ НЕОПЕРИВШИЙСЯ

Мой стих – птенец неоперившийся,
дрожит на краешке гнезда.

Увижу ли его я – взвившимся,
иль не увижу никогда?

Боюсь чужих я повторений
и подражаний я боюсь.

Хочу гореть своим гореньем,
кометой быстрой я промчусь...

И у меня одно желанье,
быть может, всех других сильнее –

в огромном этом мирозданье
остаться в памяти людей.

об авторе:

Поэт. Родилась и выросла в Ленинграде. Инженер. Любовь к поэзии привила – мама, педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в 7 лет. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви». Печаталась в газетах и журналах, таких как «Родники», «Факт», «Вокруг смеха».

* * *

Зелёные листья желтеть не хотят.
Но срок уже близок, они полетят
Под ноги прохожих и в грязные лужи,
Потом незаметно замёрзнут от стужи...
Но это потом. А пока лист зелёный,
По-прежнему в яркое солнце влюблённый,
Как дама в плену убегающих лет,
Менять не спешит свой привычный портрет.

об авторе:

Художник-живописец. Член Международного Художественного фонда. Участник выставок в России и за ее пределами. Работы приобретены частными коллекционерами Германии, Франции, Японии, Италии. Проза опубликована в периодических изданиях.

БАБОЧКА

*«Бабочки видят не ту часть светового спектра, что люди.
А потому находят цветы и нектар по рисункам
ультрафиолетовых лучей, отраженных лепестками.
Что же видит магическая, мистическая бабочка?»*

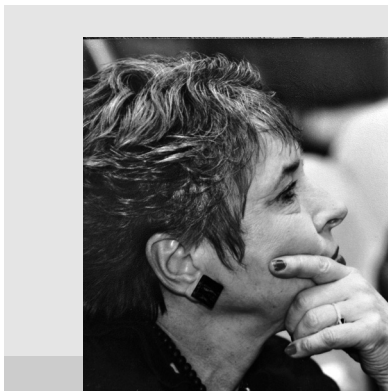
Стивен Скот Питер

Я на «пленере» – на складном стульчике, перед состарившимся, выдавшим виды этюдником. Теплый солнечный день. Ветка яблони слегка затеняет солнце, позволяя писать яркими красками. Пишу только с натуры: чтобы уловить состояние перехода от вдохновения к погружению в предмет, притянувший к себе внимание, настолько, что внутри себя чувствуешь энергетический подъем. Сажу, пишу; на левой руке, в которой держу палитру, с внешней стороны, чуть ниже кисти, возникло странное ощущение.. Посмотрела – от неожиданности замерла. На руке сидит красивейшая, большая бабочка. Крылья полностью раскрыты... Не обращаю на меня внимания, хоботком, очень аппетитно пощипывает мою руку. Медленно, стараясь не спугнуть, поворачиваю руку – бабочка не реагирует. Теперь могу рассмотреть ее в мельчайших подробностях.

Бархатная, похожа на шоколадницу, но на уголках верхних крылышек огромные овалы – фиолетовый и голубой, как два больших глаза. Прошло минут десять и на руке под хоботком образовалось круглое розовое пятнышко, размером с рублевую монетку. Бабочка покрутила глазами, увидела, как мне показалось, мое лицо, мы встретились взглядами. Она

перестала жевать, убрала хоботок, несколько раз, не отрываясь от моей руки, взмахнула крылышками, показав мне себя с обратной, серо-коричневой стороны, и улетела, сделав круг над моей головой. Руку пощипывало, я продолжила работу. Через некоторое время бабочка вернулась, но не одна. Вторая была чуть меньше, но не такая яркая, Моя знакомая устроилась на прежнее место и продолжила свою трапезу. Вторая, сидя на ближайшей к нам ветке яблони, наблюдала за нами. Насытившись, бабочка на моей руке убрала хоботок и быстро, быстро зашевелила усиками, как матрос флажками. На ветке бабочка тоже зашевелила усиками. Одновременно – они вспорхнули и улетели.

Перед тем, как сесть писать картину, я пообщалась в саду с цветами – некоторых, касалась рукой, подкладывая ладонь под их очаровательные головки. Что же привлекло мою красавицу – бабочку? По-видимому она увидела на моей покрытой загаром руке, на которую падал маленький лучик солнца, пыльцу. Солнечная пыльца оказалась очень привлекательной и очень вкусной...

об авторе:

Поэт, кандидат филологических наук. Член Союза Литераторов России. Руководитель ЛИТО ЦДУ РАН (с 2007 года).

Один из авторов и редакторов «Словаря языка русской поэзии XX века» (издано 4 тома Словаря в изд-ве «Языки славянской культуры»). Автор 25 поэтических книг. Имеет многочисленные публикации в периодической печати и сети Интернет.

Государственный стипендиат России по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусств» (2009 г.).

Официальный сайт: www.likolod-poet.ru

ПОЗОВИ...

Позови туда, где закат
золотит горизонта оковы –
зыбким выдохом, музыкант –
гибкой дудочки тростниковой,

где березовых дров смола
омывает мольбой жаровню,
где тебе не нужны слова
на тропе тишины неровной –

в край, что мне еще незнаком –
кроме музыки, что там будет?
в край, куда бегут босиком
за тобою ангелы, люди,

дети... В край меня позови,
в край, где знаешь – уже ничей ты...
Слышишь, выдохом улови,
смелым шепотом, лепетом флейты –

самой шелковой из сетей –
в край, который еще неведом,
где я стану тише детей,
что бегут за тобою следом.

Л Ю Д М И Л А К О Л О Д Я Ж Н А Я

Позови, музыкант, туда,
где любовь лишь – музыки тише,
где холодных небес слюда,
где мир'ажем брезжится Китеж,

где уже – не флейта, а звон,
словно сон колокольный, светел,
где исполнили твой закон –
люди, ангелы, я и дети...

С В Е Т Л А Н А К О М Р А К О В А

об авторе:

Кандидат педагогических наук.

Поэт. Автор нескольких поэтических сборников

* * *

Осыпается яблонь цветенье,
Распустил словно кто кружева,
И ажурное это плетенье
Принимает земля и трава.

Лепестки опадают бесшумно
Мотыльками на землю летя,
Возле яблонь стою я бездумно,
Безмятежность души обрета.

Знаю, это задумано свыше,
Чтоб плоды завязались весной,
Лепестки облетают неслышно,
Белоснежной цветущей волной.

30.05.04

об авторе:

Поэт, участник ЛИТО г. Фрязино, автор публикаций в периодической печати. Автор поэтического сборника «Несколько минут» (2008 г.)

МУЗЫКА

Лунный свет струился из окна,
Освещая клавиши рояля,
И казалось – музыкой полна
Тишина, что в комнате стояла.

Словно с непонятной высоты
Принесли невидимые руки
Дивную мелодию мечты –
Тихие, чарующие звуки.

Отступали страхи. Не спеша
Уходили горести, сомненья,
И, светлея, плакала душа,
Вечности приняв прикосновение.

об авторе:

Поэт, участник ЛИТО ЦДУ РАН

ПРЕДДВЕРИЕ СТИХА

«Только в этих Мирах Вдохновенье живет.»

Нынче Что-то по дому меня хороводит.
Только, что и зачем, я понять не могу.
Непрерывно из комнаты в комнату водит –
Лишь присяду,– поднимет,– я снова иду.

Надо б выйти, но Что-то меня не пускает!
Плащ надену и к двери входной подхожу...
Дверь открою, не выйдя, опять закрываю,
Плащ снимаю и снова по дому брожу.

А душа, словно птица, закрытая в клетке:
Не поет, не клюет, в уголочке сидит.
Позабыв, что есть крылья, подобно наседке
Тихо стонет и зябко от страха дрожит.

Обессилев от тяжелой, неожиданной напасти,
Как к последней надежде бреду я к окну,
И спасенья ищу от неведомой власти,
Лбом горячим прильнув к ледяному стеклу.

За окном в темной дали зарницы сверкают,
Вспыхнув, гаснут огни на фасадах домов.

Над домами, клубясь, облака проплывают –
Отпечатки неясные Станных Миров.

А во мне, будто отклик далекой зарнице,
Исчезает вдруг клетка и хочется петь...
И расправивши крылья, свободная птица
Приготовилась к Станным Мирам полететь.

Если верить тому, что о них говорится,
Только в этих Мирах Вдохновенье живет.
И оттуда Душа, обернувшись Жар-птицей,
Как подарок слова для стиха принесет.

НАТАЛЬЯ МИШИНА

об авторе:

Кандидат геолого-минералогических наук,
автор поэтического сборника

* * *

Ты сказал, что уедешь в горы,
и я спорить с тобой не стала.
Я сама доподлинно знаю,
сколько мудрости в их молчаньи,
но одно только лишь печалит,
что меня не позвал с собою.
Просыпаясь, я буду думать:
кто же там подаст тебе кофе?..

об авторе:

Родилась в городе Ставрополе. Член Союза писателей России. По специальности филолог, кандидат наук. Преподавала в вузах Урала, Сибири, а затем много лет работала на кафедре русского языка Московского института иностранных языков. Печатались во многих газетах и коллективных сборниках – «Дружба», «Вдохновение», «Истоки», «Московитянка», «Талисман», в альманахах «На солнечной стороне». Автор поэтических сборников «Земной след» и «У зеркала».

* * *

«Даже закат мой похож на восход...»

Алла Зусман

Даже закат мой похож на восход,
Так щедры оттенки цвета!
Малиновый росчерк на весь небосвод –
Как пропуск на многие лета!

Там призрачной птицы замедлен полёт,
Там синие перья по небу вразлёт.
Ловить их – пустая затея:
То прямо в глаза синева полыхнёт,
А тронешь – опять потемнеют.

Смотрю, замирая, на купол цветной,
В нём странно мой путь обозначен:
Я где-то блуждаю меж светом и тьмой,
А где он, мой путь настоящий?

Его мне всю жизнь разгадать не дано.
Была ли в нём тайна сокрыта?
Просвечен бокал, в нём густое вино
И то до конца не допито...

И если закат мой похож на восход,
Мне дорог и этот глоточек.
Я чувствую – кто-то мне знак подаёт
И, гневаясь, мой замедляя уход,
Не гасит малиновый росчерк.

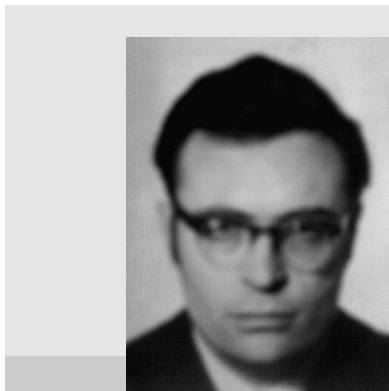
об авторе:

Полковник в отставке. Пишет прозу – рассказы и эссе.

Автор многочисленных публикаций в периодической печати.

У СОВЕСТИ АМНИСТИЙ НЕ БЫВАЕТ

Случалось, что я обижал мать. Возможно, срывал на ней раздражение от обид, нанесенных людьми, которым не смог дать отпора. Унизительная горечь этой мысли не затихала, пока я не извинялся перед матерью. К сожалению, делал я это не всегда вовремя. И тогда... И тогда мне снилось, будто мать умерла, и мысль о том, что я остался непрощенным, угнетала меня до счастливого момента пробуждения, когда я – словно гора с плеч – осознавал, что это всего-навсего сон. Не откладывая, утром же я произносил слова покаяния. Да так истово, что вызывал понимающую улыбку мамы. До сих пор меня не оставляет мысль, что она догадывалась о моем сне. Недаром же материнское сердце называют вешим. И все же неизбежное случилось. Мама умерла неожиданно, по роковому совпадению в то утро, когда я, проснувшись от ночного кошмара, должен был произнести слова очередного покаяния. Уже много лет мне не обидеть мать, не согреть ее плечи объятием раскаяния. Но время от времени я вижу сон во сне: вот я, вырываясь из щупальцев дневного стресса, кричу на мать, а ночью больная совесть представляет ее мне умершей. Потом мне продолжает сниться, что я просыпаюсь и вздыхаю с облегчением: «Слава Богу, что это сон. Она жива, и я сейчас пойду просить у нее прощения». Но тут я просыпаюсь на самом деле и понимаю, что видел сон. Мамы нет, просить прощения не у кого. У совести амнистий не бывает.

об авторе:

Кандидат технических наук. Автор трех поэтических сборников.

* * *

Стихи придумать невозможно.
Се –тайна за семью печатями.
Она скорей всего похожа
На непорочное зачатие.

Об их рожденьи решено там,
Там, где-то вровень с небесами,
А чьим доверить их устам –
Всевышний выберет. И сами,

Как только им придёт пора,
Слова спешат из-под пера.
Рука лишь водит осторожно.
Стихи – придумать – невозможно.

об авторе:

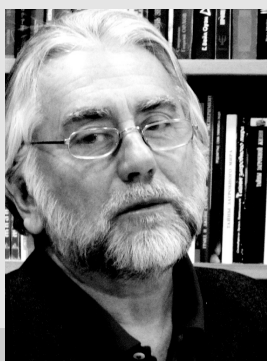
Поэт, прозаик, мемуарист. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников

ВСЕ ВРЕМЯ БЕГУ

Все время бегу,
Все время в пространстве.
Нигде не заметишь
Меня в постоянстве.
И мне не является
Фауста мысль:
«Прекрасно мгновение –
Остановись!»
Встречаются мне
В этом бурном движенье
Индийцы с слонами,
Китайцы с куреньем,
Мальтийские рыцари,
Бруклинский мост,
Каньона Великого
Огненный хвост.

Я каждому встречному
Слову внимаю,
Язык мегалитов и стел
Понимаю.

Не то чтобы очень,
Но думаю: все
Приветы потомкам
Хранили оне, Что б мне их понять,
К ним притронуться взглядом,
И поклониться их прошлому
НАДО!

об авторе:

Член Союза журналистов России, член Творческого Союза художников. Работал в издательствах «Высшая школа», Плакат, АПН. В газете «Вечерний клуб». Издавал газеты «ГДЕ» и «Столичный сервис». Писать прозу начал в конце 80-х годов прошлого века. Автор рассказов и прозаических миниатюр.

*...Я согласился бы жить
на земле целую вечность,
если бы прежде мне показали
уголок, где не всегда
есть место подвигу.
Венедикт Ерофеев
«Москва – Петушки».*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЗЕЛЁНОГО ЛИСТОЧКА

Маленький зелёный листочек торчал на кончике ветки и с грустью думал, что если бы он не ленился и не грелся бы бесцельно столько времени на солнышке, а много бы трудился, учился, работал над собой, то мог бы стать большим красивым цветком или раскидистой пальмой, а то и круглым полосатым арбузом...

Ведь труд всему голова?!

об авторе:

Кандидат биологических наук. Поэт.

Автор сборника «Силуэты» (2009 г.)

ПЕШЕХОДЫ

Мы спешим поутру,
Пешеходы земли.
Мы не пыль на ветру,
Не песчинки в пыли.

Миллионы сердец,
Миллионы умов,
Мы не стадо овец,
Не плотва на улов.

По своим траекториям
Ходит народ,—
И колеса истории
Едут вперед.

ЛЮДМИЛА САНИЦКАЯ

об авторе:

Врач, кандидат медицинских наук. Пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Темы её творчества – сложный мир человеческой души, природа родной земли. Автор трёх поэтических сборников, публикаций в периодической печати. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. М. А. Булгакова.

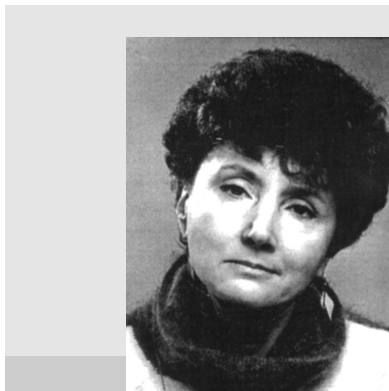
* * *

Прибежище и труд стихотворенья –
Бессонная тревога и бальзам,
Присушие несчитанным часам
Ночного утомительного бденья.

Надолго затянувшаяся корь,
Стихи давно пересекли границы,
И вот они – то легкая жар-птица,
То в детстве недолеченная хворь.

Ни здравый смысл, ни посторонний взгляд,
Ни сухость дальновидного расчета
Не исцелит болезни и полета,
И лишь к бессоннице стихи благоволят.

Не задаваясь целью и ценой,
И сроком своего благоволенья,
Пока живу – во мне и надо мной
Прибежище и труд стихотворенья.

об авторе:
Поэт. Автор поэтических сборников
«Зеленый луч» и «Запоздалый романс»

* * *

Все уже было, все уже стало.
Книгу свою почти пролистала.

К осени ближе – смолкают птицы
и год от года желтее страницы.

Все уже сказано, все уже спето.
Дважды в году не случается лето.

Трудно добраться до сути явлений.
Сколько людей – столько и мнений.

Истины нет, да и быть не может.
Где же ты прячешь ее, мой Боже?

В этом огромном холодном свете
мы одинокие, глупые дети.

Сколько ошибок, сколько исканий,
сколько имен на стене стенаний...

Кружатся мысли, мчатся по кругу,
ночью и днем обгоняют друг друга.

Море и волны, приливы-отливы...
Берег несчастный – берег счастливый.

А поезда все проносятся миом...
Жизнь, так за что же ты нами любима?..

об авторе:

Доцент кафедры «Химии и технологии биологически активных соединений» Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН.

ОНА И ОН

Она летала в облака,
Писала-читала
Стихи и прозу.
Разделяя шипы и розы,
Глотая восторга слёзы,
Слышала глас небес...

Он ожидал её дома
И посылал SMS
С тремя словами,
Не летящими в небо,
Тяготеющими к земле:
«Не забудь купить хлеба!»

об авторе:

Член Союза писателей России. Писать прозу начала с 1999 г. Окончила Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор двух книг: «Она» и «Милосердие» и многочисленных публикаций в Альманахах и журналах. Лауреат 3-х литературных конкурсов, в том числе – Ю. Мамлеева. Государственный стипендиат России по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусств» 2003–2005 гг. Эл. почта: zinaidalit@mail.ru

ТЯСГОУЗКА

Наступил месяц май. Начались хлопоты по садовому участку. Весь день приходится проводить на улице. Наслаждаешься природой, теплыми солнечными лучами, свежим ветерком, запахами земли и первой зелени и невольно слышишь пение птиц. Вот громко чирикают воробьи, снуют тут и там, дерутся и создают свои семьи везде, даже в скворечниках, развешенных на яблонях для прилетных птиц – скворцов, желанных тружеников садов. Они уже прилетели, но не тут-то было, день – два покрутятся около скворечников, полетают черные умные и деловые гости и исчезают, потому что, все уютные домики уже заняты. Ну что тут будешь делать? А в поле за забором всюду звенит хор разных маленьких жильцов планеты. Откуда только их так много? И, слава Богу! Они для нас украшение земли. Крошечные, раскачивающиеся на былинках, звонкоголосые пеночки и малиновки; соловьи засвистевшие, защелкавшие вечерами в кустах; чуть побольше размером жаворонки, выпархивающие из редкой травы и взмывающие высоко в небо и затем камушками падающие на жухлую прошлогоднюю солому; перепелки, которые будут тебя уговаривать: «Спать пора, спать пора», и множество других, названия которым мы – городские жители утеряли из-за ленивого не интереса к природе. Веселье и разноголосица царит с утра до вечера. Поднимает у тебя настроение, уставшего за долгую зиму от городских шумов: резких, негармоничных, раздражающих. А тут – улаждающая твой слух полифония радости, задора, жизнеутверждения самой природы. Ты

счастлив в те несколько праздничных дней контакта с явлением под названием – весна.

Но сегодня вдруг у моего колодца, где я наливала из шланга воду в чайник, послышалось какое-то новое, довольно громкое и настойчивое звучание, на что невольно пришлось обратить внимание. Я подняла голову, огляделась – ничего приметного. Привлеченная новыми повторами опять покрутила головой и тут увидела на крыше, на самом коньке посередине дома маленькую серо-голубую трясогузку. Мою старую знакомую по прошлому году, мою любимую трясогузочку. «Привет» – невольно вырвалось у меня. Будто отвечая мне, она еще громче запиныкала и отчаяннее задергала длинным элегантным хвостиком. Потом взмыла вверх, сделала надо мной небольшой круг и вернулась на то же место.

Вот так встреча! Она так обрадовала меня своим вниманием, что я заулыбалась и тоже начала щебетать, только на человеческом языке, может быть отчасти ей и понятным. Получился радостный диалог двух друзей, давно не видевшихся и страшно соскучившихся друг по другу. Весь день я ходила счастливая и воодушевленная. Ведь надо же! Помнит, узнала, поговорила и рассказала многое из того, что произошло в ее жизни за время отсутствия.

Я давно наблюдаю за трясогузками. Они селятся у нас каждый год: или на террасе, или под крышей на чердаке. И всегда общаются со мной. Я сделала вывод – они очень умные и тянутся к людям, становясь почти домашними птичками.

Теперь наши беседы повторялись каждый день, пока у нее не появилась семья, и она не свила гнездо прямо внутри печной трубы, к счастью лето выдалось жаркое и печку не пришлось топить ни разу, и птичка выглядывала оттуда озабоченная и занятая семейными делами. Потом появились птенцы, пять маленьких робких, несмышленых, таких же серо-голубых, как их родители отпрысков. Они садились в ряд на коньке крыши и узнавали оттуда мир, восседая там на недостижимой высоте, и учились у матери уму-разуму. Вскоре смело и шустро начали летать. И трясогузка снова стала находить время для разговоров со мной и привлекать мое внимание: то прыгает впереди меня на грядках или на дорожке, то пролетит низко над моей головой. Мы опять общались и радовались жизни.

об авторе:

Поэт

МЕТЕЛЬ

Дари свое тепло, заснеженная дача,
А сильная метель ночной скрывает сад.
Горит в саду окно приманкою удачи,
И белые тире на свет его летят.

Горит мое окно – зачем же мне не спится,
Бесценный мой, но я – ведь я тебя не жду.
Виновна ли метель, что встреча не случится
В – заложником любви – заснеженном саду?

Над садом тем не тень ли прошлого витает,
Твои ко мне пути спеша запорошить...

И прошлая метель над будущим не тает,
И будущей любви – не позволяет быть.

Е Л Е Н А Ш Е С Т А К О В А

об авторе:

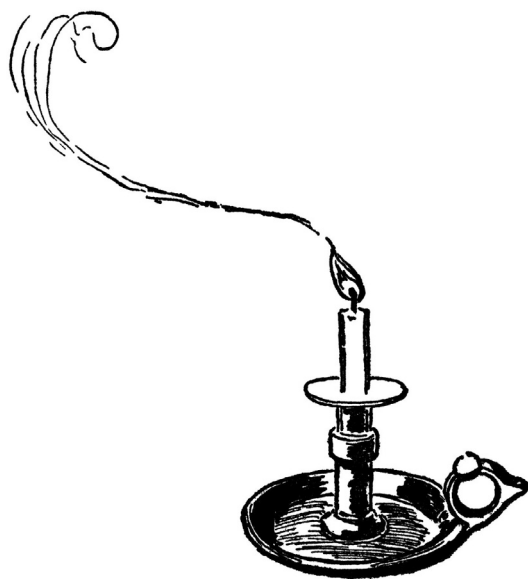
Кандидат физико-математических наук. Преподаватель математики. Автор прозаических миниатюр, рассказов, эссе. Член ЛИТО ЦДУ РАН более 20 лет

ССОРА

К вечеру в маленьком домике разгорелась ссора. Он и Она выясняли вечное: кто любит больше... Не сдержавшись, Она вылетела через трубу и рассыпалась по небу искрами, образовав мерцающее созвездье.

А под утро – страсти и звезды угасли. Она вернулась домой тихая и озябшая, как туман на рассвете. Она прилегла к Нему под теплый бок и, слушая мерное тиканье часов, сладко уснула...

ПОСВЯЩЕНИЕ

ФРАЗА НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Cógito, ergo sum**

Декарт

Мудрого Декарта славный ум
Подарил нам фразу непростую.
«Cogito» – а дальше: «ergo sum» –
Мыслю – это значит существую.

Весточка веков, далёких дум.
Познаю, дышу, пишу, рисую...
Вот оно что значит: «ergo sum».
Я живу, я в мире существую!

Эта фраза – времени ответ,
Не найти подобную, другую.
В ней намёк есть, может быть, совет:
Строчку смыслом наполнять любую.

Светит ночью и в часы тоски,
«Cogito» сквозь темень неживую:
Книги и мечты, латынь, стихи –
Мыслю – это значит
существую.

2002–2008

* Кóгито эрго сум – *Мыслю, следовательно существую*

КАК ДАВНО Я ЖИВУ

*И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
А. С. Пушкин*

А живу я давно
В деловых словесах.
Но хочу помечтать –
Полетать в небесах.

Что-нибудь рисовать
Или может быть шить,
Петь, стихи сочинять –
Никуда не спешить.

Но... Спешить суждено.
То дела, то учусь.
Словно в старом кино,
С ускореньем верчусь.

Я на службу бегом.
Там работа кипит.
К детям, к дому потом –
Будто что-то горит.

Словно белка, скачу
В городском колесе.
Я бежать не хочу,
Но – в потоке,
как все.

И устала давно.
Мне б раскрыть наяву,
К счастью
настеж окно,–
Поглядеть
в синеву.

2003–2009

ОТДЫХ ВЕЛИКАНА

*...И даже океан иногда спит в те дни,
когда нет течения,
и стоит полная тишь.
Эрнест Хемингуэй*

Спит океан. Спокойное дыхание
Чуть поднимает голубую гладь.
В нём незаметно время засыпания
И пробужденье не предугадать.
Лучи искрятся, полно отражаются.
Хранят спокойный сон и глубину.
Спит великан. Он Тихим называется –
Дано за кротость имя в старину.

Тишь без волны – таинственно безбрежная.
Не стоит томно доверяться ей.
Не долго длится плавность безмятежная
По зеркалу скользящих кораблей.

Заманчив вид великого смирения.
Сияющий спокойствием обман
Скрывает мир глубин, его движение.
Закат.
Вокруг покой.
Ночной туман...

Спит океан.
Спит Тихий океан.

2006

НА МОТИВ ШЕКСПИРА

сонет

Не образцами затаённого ампира
И не фасадами, ни обликом другим,
А замечательна названием своим,—
Есть в Нижнем Новгороде улица Шекспира.

Далёкой Англии талантливая лира
Поёт задумчиво здесь дождиком простым,
Туманом светлым, серебристо-золотым
От Альбиона поэтического мира.

Сюжет трагедий и сонетов виден сразу —
Мотив с наивным текстом и беспечный взгляд,
Ромео и Джульетты во дворе стоят
Заморской речи вторят, не меняя фразу...

Печальней нет!.. Но можно верить — снова
Великой строчкой здесь проснётся слово!

Январь 2011

«ГОСТЬ ИЗ БУДУЩЕГО»

(Анна Ахматова и Исайя Берлин)

В конце жизни Анна Андреевна Ахматова сказала: «Я переживала минуты величайшего взлёта и полного падения в пропасть, но в конце жизни поняла, что это в сущности одно и то же».

И вот последний её взлёт летом 1965, когда оставалось меньше года до её ухода из жизни. Она приехала в Англию, в Оксфорд, чтобы получить – мантию почетного доктора Оксфордского университета (за полгода до этого, в Италии ей вручили литературную премию «Этна-Таормина»). Обе поездки были организованы при участии сэра Исайи Берлина, которого Анна Ахматова навестила в богатом доме его жены. Жену она, впрочем, не замечала, ведя высокоумную беседу с сэром, а после визита бросила небрежно: «Золотая клетка». Этот образ вошел в стихотворение:

Не в таинственную беседку
Поведёт этот пламенный мост:
Одного в золочёную клетку,
А другую на красный помост.

Исайя Берлин был увезён мальчиком в 1919 году из Петрограда в Ригу, потом – в Англию, где прожил долгую жизнь и заслужил известность как писатель, критик, культуролог, профессор Оксфорда, став по указу королевы пэром и, следовательно, сэром Исайей. За 20 лет до этого в 1945 году он в ранге культурного атташе британского посольства приехал в Ленинград, и поинтересовался у критика и издателя Орлова о судьбе Анны Ахматовой, с удивлением узнав, что она жива-здорова. Тот же Орлов привёл его в Фонтанный дом к Ахматовой. Их разгорающаяся с интересом беседа была нарушена воплями снизу, из сквера. Берлин спустился и обнаружил там Рандольфа Черчилля, который числился корреспондентом английских газет, но на самом деле вёл себя достаточно буйно, но ему, как британскому союзнику до поры до времени это прощали. Тем не менее, тут же родился миф, что это Уинстон Черчилль прислал сына, чтобы на самолёте вывезти Ахматову из России...

Исайя Берлин ещё раз навестил Анну Андреевну уже в 1946 году, за несколько месяцев до печально знаменитого ждановского постановления ЦК. Они провели в беседе за столом поздний вечер и почти целую ночь, и это была важная ночь, вошедшая в историю русской литературы.

«С этой ночи началась «холодная война...»» – это высказывание самой Ахматовой. Её сын Лев Гумилёв, в таких случаях говорил: «Маменька, не королевствуй...». Но для писателей наступила пора «закручивания гаек». «Мальчиком для битья» был избран Михаил Зощенко, самый популярный в то время, издаваемый и читаемый писатель, а «девочкой для битья» – Анна Ахматова – широкому читателю в послевоенные годы почти неизвестная и практически неиздаваемая. Существует версия, что органы НКВД сами организовали вторую встречу Ахматовой с Исайей Берлиным, чтобы наступил «момент истины».

Именно И. Берлин оказался первым прототипом «Гостя из будущего» в «Поэме без героя», и ещё адресатом 4–5 стихотворений Ахматовой. Наконец, Анна Ахматова включила его в свой «донжуанский» (клеопатринский) список. Негласный, конечно, но для литературной и окололитературной среды – известный. В последующие годы Исаяя всячески отказывался от этой «честь», но эффект был обратный. Мифы сильнее правды!

Несказанные речи
Я больше не твержу,
И в память этой встречи
Шиповник посажу...

В последующие годы с ним были редкие встречи – и в Москве, и в Англии, и в Париже, но больше – «невстречи». Перед своей женитьбой И. Берлин позвонил Ахматовой из Англии... Она встретила эту весть холодно: «Кажется, этот господин будет в Москве? Интересно, один, или с женой? Впрочем, это не имеет значения». (В беседах Ахматовой с Лидией Чуковской Исаяя Берлин имел псевдоним «этот господин»).

Он пережил её на 30 лет, прожив почти 90. Его литературные заслуги известны, но покрываются «патиной времени». А вот слава «Гостя из будущего» и человека, проводшего ночь в Фонтанном доме с Анной Ахматовой – не исчезает.

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдёт человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится 20 век.

ПИКАССО

В Старосадском переулке, дом 5, где находится Московский Союз художников, есть выставочный Белый зал, и так уж повелось, что в двух больших залах выставляют живопись, а в маленьком – графику.

Готовясь к своей персональной выставке, я запланировала выставить живописные полотна и графические рисунки. Цветная акварель тоже считается графикой. Из своей акварельной папки я стала доставать готовые листы с портретами, московскими пейзажами. Вся забота была в том, чтобы оформить уже готовые работы: заказать рамы, паспорту, стекло – все по правилам оформления... В этих творческих хлопотах, меня не покидало желание выбрать время и посетить привезенную из Франции выставку Коко-Шанель в Пушкинском музее.

Наконец – то я на выставке! Просматривая экспонаты, я задержалась у одного графического листа. Как интересно – портрет одной линией. Линия живая, свободная, портрет необыкновенно выразительный. На пожелтевшем от времени, с рваными краями, со множеством случайных пятен листе – читаю: «Портрет Игоря Стравинского» автор – Пабло Пикассо. Я была покорена этой работой: никакой штриховки, никакой светотени, одна линия, но какая! В очередной раз Пикассо удивил, восхитил, покори.

Тут же, возле этой работы я решила, что на персональной выставке графика у меня будет такой же свободной, воздушной, никаких штрихов – только линия. В мастерской сразу же приступила к осуществлению своих планов. Вернула цветные акварели в папку, и принялась за рисунки одной линией. Нарисовала внуков, друзей, попробовала натюрморты. Когда набралась дюжина таких проб, разложила рисунки, чтобы просмотреть, но огорчилась и разочаровалась проделанной работой. Старалась – одной линией, как у Пикассо свободно, но получилось как-то скучно, неинтересно. В чем же дело?

Вспомнила, что недавно купила томик Овидия – «Метаморфозы», еще в дороге, в метро не терпелось заглянуть на страницы. На обложке в белой рамочке написано – «иллюстрации Пабло Пикассо». Вот это сюрприз – я купила не только Овидия, но и иллюстрации Пикассо. Я вспомнила, что графика иллюстраций тоже сделана одной линией. После неудачных своих проб, я решила тщательно изучить графику в книге Овидия. Почему у Пикассо линия живая, а у меня она скучная,

Чего-то нет! Чем же Пикассо так виртуозно владеет. Я стала тщательно изучать репродукции. Репродукции мне очень многое помогли понять, увеличили мой восторг и восхищение теми приемами, которые использовал Пабло в своих блестящих иллюстрациях. Оказалось, весь секрет в том, что у него линия не сплошная, и вся сила выразительности в этой прерывистой линии. Я – рисовала одной линией непрерывной, и она становилась однообразной, навязчивой. У него она игриво бежит и вдруг неожиданно исчезает, и это исчезновение дает нам возможность самим ее продлить своим воображением. Одна линия подходит к другой и, не касаясь, так изящно продолжает ее. Вот этот разрыв и дает легкость, игру, гибкость, и поэтичность. Линия становится музыкальной. Но вся эта музыка, и вся эта линия не ради рисунка, а ради образа.

Чтобы понять мастера, нужно не только смотреть и восхищаться – Пикассо нужно изучать.

ПАРИЖУ И ВИЙОНУ

Вот он идёт парижской улицей
Осенним и дождливым вечером,
От ветра резкого сутулится,
Ему сегодня делать нечего.

Он столько женщин звал любимыми
Душой простой и неуёмной,
И строки ставшие незримыми
Над ним кружатся ночью тёмной.

А скольких от души он проклял,
Поэт-безумец бесшабашный,
Но хороши же были строки:
Судье, попу – кому? Неважно.

Он по Парижу бродит тенью,
Соборов высятся громады,
И вор-приятель в изумленьи
Поэта провожает взглядом.

«Что с Франсуа?» – стихов потоки...
Он завтра их прочтет, наверно...
Утихнет, слушая те строки,
Весь воровской народ в таверне.

А ночь давным-давно в Париже
И дождь лениво крыши лижет...
Что жизнь? Скорей бы уж кончалась
В стихах давно всё написалось...

ДОБРО

Посвящается Корнею Чуковскому

*«Я беру свое добро там,
где его нахожу...»*

Мольер

Единственная живность, которую я могу себе позволить держать в доме в настоящее время – это «мух»; то есть – мужская особь мухи. Появился он совершенно неожиданно. Вызвала электрика установить предохранитель в электрошкафу на лестничной площадке. Он долго с ним возился, входная дверь была открыта – вот «мух» и влетел ко мне в квартиру. Электрик ушел, а мух остался. Чем он меня покорило, да тем, что вел себя оригинально. Первое, что он сделал – устроился напротив меня, на спинке стула и стал приводить себя в порядок, умываться. Послюнявит передние лапки и трет ими свою мордочку; задними лапками крылышки чистит. Чтобы получше его рассмотреть,, взяла лупу – он позволил. Небольшой, худощавый, еще бы,– декабрь на дворе. Умылся, теперь он с пристрастием меня изучает.

«Оставит или выбросит обратно, а может прибьет?» Мне понравилась его любознательность и ход его мыслей. Позволила ему жить у меня в квартире до весны. На радостях, он стал летать по всей квартире и все рассматривать. Особенно ему большое зеркало понравилось. Увидел в нем себе подобное отражение – это его приободрило – теперь его двое!

Мух на еду и лежащие на столе продукты не садится. Сидеть любит на растениях, глядя в окно на падающий снег. Выделила ему маленькое, блюдечко, из кукольного сервиза; положила туда «разносолы» – он все понял. Покружился над блюдечком, с каждым кругом приближаясь к нему, наконец опустился и хоботком пробует, что съедобного в этом доме предлагают. Поев того и другого, снова умылся. До чего по-умному ведет себя; а вдруг в его тело, чья-то человеческая душа вселилась. Стала с ним беседовать, на легкие темы. Хожу по квартире, домашними делами занимаюсь и с ним разговариваю; он везде за мной следом, иногда, подлетит и что-то на ухо мне прожужжит. Сегодня чуть не утонул в банке с водой, вовремя подошла, он уже лишнего нахлебался. Вынула его ложечкой из банки, положила на салфетку подсушиться. Медленно приходил он в чувство, но ожил. Стал передо мной летать: туда, сюда,

вверх, вниз – в шоке, наверное. Банку крышкой накрыла; проверила всю квартиру – нет ли; где еще угрозы для его жизни. Начала пылесосить, но прежде пришлось его в коридор выгнать; затем – в ванной закрыть. Когда закончила уборку, мы с ним вместе отдыхали на диване, слушая музыку Моцарта.

На днях, сын должен вернуться из путешествия, поэтому, когда ухожу из дома оставляю в прихожей записку:

«Будь внимателен, у нас в квартире, временно до весны, живет «мух», очень любознательный и общительный. Может тебя пристально изучать – не убий! Хочешь, придумай ему имя. Мама».

Вернулась домой, на столе записка от сына.

«Твой Мух–Цокотух, на глазах у меня, подлетел к твоему новому холодильнику, взявшись за ручку открыл, достал твой фирменный торт и весь его слопал, а тарелку не помыл. Я буду часов в одиннадцать вечера. Надеюсь, что к этому времени твой Мух–Цокотух будет спать, надеюсь, не на моем диване. Твой сын».

Муха–Муха–Цокотуха, Позолоченное брюхо...

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ

Поэтам, жизнь мою сложившим

* * *

Я продолжаю то, что до меня
возникло в пожелтевших чуть страницах,
я просто часть упавшего огня,
я лишь звено в протяжной веренице.

И ты строку, как душу протяни,
преодолей привычный страх небесный
пусть мы останемся лишь в их тени,
но мы продолжим тех, ушедших, песни.

Вберем в себя разящий смелый звук,
проникнем в мысли, в даль продолжим строчки,
которыми пленен навечно слух,
и разорвем безмолвья оболочку,

Пусть, как для них, последним станет день
– его оправдывает только слово
учителей, которых чтим мы тень,
путь продолжая – нет пути иного.

Я как молитву буду повторять
слова не тех, кто в стане отлюбивших,
а тех кого, так страшно потерять –
поэтов, жизнь мою – сложивших...

ПОСВЯЩЕНИЕ АННЕ АХМАТОВОЙ

Лист, как бабочка ветром распятая,
чуть желтеющий, как страница,
в черной книге – стихи Ахматовой,
стая белая, вереница,
та страница, что кажется матовой,
иль блеснет, как от жара, гляncем,
то Архангел мелькнет в ней латами,
то – Давид пред ковчегом в танце,
если Ангел, то рядом – Демон,
если луч – то кажется жалом,
самой темной эпохи темы,
те что Муза наколдовала.
Неизменен лишь профиль строгий,
что над первой страницей стынет,
четкий профиль темной эпохи,
профиль Матери, ждущей Сына,
тоже – где-то, кем-то распятого...
Книга черная, в старом издaньe,
где желтеет страница свято -
свято матери ожидaньe...

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Сияньем августа сотри,
Пока не поздно,
Строку пленяющей петли,
Звук гласный, грозный.

Приют бревенчатый, труха
Сухого лета.
О, как провинция глуха
К судьбе поэта.

Рябины ранней горечь-горсть,
Скупая лепта.
Строка-петля обвила гвоздь
Литою лентой.

В гортани звуки от рывка
Спеклись и слиплись.
Исчезло все. Душа легка.
Апокалипсис.

Хранитель-ангел тонких рук
Разнять не сможет.
Хранитель-ветер к звуку звук –
Молитву сложит.

ПОРТРЕТ ЗИНАИДЫ ГИППИУС

(к картине Льва Бакста)

Перечеркнув белый
холст,
во весь несмелый
свой рост,

тенью точёной
вытянулась
утончённая
Гиппиус.

Взглядом зелёным,
из-под век,
глядит утомлённо
Серебряный век.

С осиной фигурой
узкой –
хранительница культуры
русской.

Но прежде чем точкой
стихи завершу,
найду ее строчку
которой дышу...

Строки, из света
свѣтые:
«Стихи поэта
любого – молитвы...»

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

*Какие прекрасные лица,
и как это было давно...
Георгий Иванов*

Прошлых лет вспоминаю уроки,
снова чьи-то слова повторю -
Век Серебряный... И за строки
– я поэта благодарю.

Был он денди, галстук из шелка,
острословец, лик – херувим,
над бровями черная челка...
Стал певцом «Петербургских зим».

Эмигрант, пережил он скольких...
Жизнь приснилась или была?
В нищете на больничной койке
умер. Спит в Женевьев-де-Буа.

Раб поэзии был он верный,
горькой правдой стихи полны,
и считался поэтом первым -
эмиграции первой волны.

Цвет эпохи тускл на страницах,
как солдатской шинели сукно...
Но какие прекрасные лица,
и как всё это – было давно...

С ЭПИГРАФОМ ИЗ МАНДЕЛЬШТАМА

«Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...»

О. Мандельштам

«по хрусталям я прохожу несмело...»

А. Ахматова (Воронеж, 1936)

Когда-нибудь, когда уронишь
в день будний слово «Позабудь»,
я от тебя сбегу в Воронеж,
в Саратов, в глушь, куда-нибудь,

туда, в замес метели белой,
в тот город-ворон, город-ёж,
куда по хрусталям несмело
вослед за мною не пойдешь,

туда – на родину Кольцова,
ад Мандельштама, рай щегла,
твоим молчаньем окольцована –
в твоём тепле – мне нет угла.

Найду приют за краем света –
куда еще нести беду? –
и в дом опального поэта,
как Анна некогда, войду,

причастницею стану круга –
тех, кто в ненастье жить привык,
и стану нищенкой-подругой,
ведя воронежский дневник,

когда-то живших здесь поэтов
припоминая имена –
в Воронеже, за краем света,
давно, в глухие времена...

ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА

*«А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу.»*
Велимир Хлебников

Речью прерывистых строчек скольжу,
сколь же речей над обрывом? –
я про Машук шепотком расскажу
верностью смерти красивой.

Молнии клонятся нивой огня,
честные почести неба,
мертвый певец донимает меня
гоном оленей, где б не был.

Средь облаков, облачась, до сих пор,
в горные строки растений,
мертвый певец смотрит ветром в упор
в строки молитвы оленьей.

Бога убитых, тройного, летуч,
луч снимет первую мерку,
отяжелит тень одеждою туч,
крепом скрепив, не померкнет.

Я шепотком про Машук расскажу,
тень над пятном Пятигорска,
внемя, кремнистую нить вывожу,
строчкой непрочной, как горстка.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

«Когда погребают эпоху...»

Анна Ахматова

Сквозь лампадные блики
слова в дневнике процвели:
«Еще один умер великий
писатель Русской Земли...»

Щедро роняет влагу –
и не стереть с лица –
царственный месяц август,
оплакивая Певца.

Слез своих лепту-кроху –
к природе добавим и мы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

Величие – не измерить,
аршин Ему общий мал,
Пророку можно лишь верить,
словам, что он нам сказал.

Слова его стали святы,
слышны сквозь времени гам –
он был наш первый Вожатый,
проведший по Первым кругам.

Он до последнего вздоха
нас выводил из тьмы...
Когда отпевают эпоху,
всю ночь читают псалмы.

БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

Я чувствую, что я устала,
Но не могу заснуть,
Я в Переделкино искала
К простому дому путь.

Где жил недавно Окуджава,
Писал стихи свои,
Его уже постигла слава
И радости любви.

На видео – концерта запись,
С гитарой Булат,
Огромный зал как будто замер,
Он песни слушать рад.

И создается впечатление,
Что сам он где-то здесь,
Готов легко, без промедленья,
За стол рабочий сесть.

А за окном покрыты снегом,
Деревья и дома,
И белка быстро легким бегом
Сюда бежит сама.

Да, после длительной прогулки,
Могла бы я заснуть,
Но нежный звук гитары гулкой,
Звучит еще чуть-чуть.

ЕВГЕНИЮ ШЕЛЕПИНУ

(художнику)

Фантазии, порой, бывает мало
Предугадать, что в нашей жизни ждет.
В тот миг, когда считаешь, все пропало,
Ты начинаешь новый свой полет.

Пусть кисть в руке, иль карандаш поэта,
О, творчество! Ты нашей жизни смысл,
И песня главная еще не спета,
И холст еще не озарила мысль.

И белый лист покроется словами,
И лягут краски вновь на полотно,
Нам есть над чем работать вместе с вами,
Грусть превращая в яркое пятно!

ЛЬВУ БОЛДОВУ

(поэту)

На обложке портрет поэта,
Умный взгляд, устремленный вдаль.
Между пальцами – сигарета,
И в глазах разлилась печаль.

А в стихах его снег и ветер
И любимая им Москва,
И любимой, чей образ светел,
Важны жесты и все слова.

Есть для грусти, увы, причины,
Но я знаю, сверкнет в глазах
Искрометная чертовщина,
Что порою сквозит в стихах.
И улыбка мелькнет лукаво,
И мы будем внимать, тихи,
Когда автор не ради славы
Сам прочтет нам свои стихи.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ГРЕБНЕВО

Ствол сосны шершав, слегка колюч.
Прикоснусь к нему я осторожно –
У корней её когда-то ключ
Струйками бил звонкими, тревожа
Тишину ухоженных аллей
И сердца чувствительных поэтов.
Может быть, вот здесь, в тени ветвей,
Жажду утолив однажды летом,
В звоне струй Херасков уловил
Сил природных мудрые заветы.
И Державину родник открыл
Творчества высокого секреты.
О, как стал он радостно – певуч
В час, когда звучал подобный песне
Вдохновенный «Гребеневский ключь» –
Будущей поэзии предвестник.
Пусть уже не слышен лёгкий звон
Струек у сосны той величавой.
Может быть, их путь сейчас стеснён
Наслоением вековых печалей.
Но пока сердцам людей близки
Таинства рождения строки –
Жив Поэзии родник, и он
Неподвластен веяньям времён!
2009

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Не зря цыганка нагадала
Про речку и кусок свинца,
Про роковое опахало!
И слухи, слухи без конца,
И злобный шёпот за спиною
Тебя настойчиво вели
Дорогой чёрной, роковою.
И розы алые цвели
В местах, где падала печалью
Отягощённая слеза.
Прикрыв лицо густой вуалью,
Судьба потупила глаза.
О, если б перстень с бирюзою –
Заветный перстень-оберег,
Что неразлучен был с тобою,
Ты не отдал за свой побег
Недружелюбному семейству,
Возможно, было б не дано
Свершиться тайному злодейству.
Но вот – исполнено оно!
И до сих пор скорбит Россия,
Почти две сотни лет спустя
Так не простив себе бессилья
Сберечь прекрасное дитя.
2009

НАТАЛЬЯ МИШИНА

Марине Цветаевой

* * *

Марина...
И оборвана строка,
и боль
сильнее жизни оказалась,
и рифма
бесприютною осталась,
и не возьмет уже
перо рука...

*«Милый друг, если ты переживёшь меня,
собери из листиков этих букет и книжечку
назови «Незабудки».*

Михаил Пришвин, «Дневники»

В.Д. ПРИШВИНОЙ

(к столетию со дня рождения М. М. Пришвина)

Её не Музою своей – он Другом звал,
Ей завещал возделанные всходы
Своих раздумий о душе природы,
Где к сердцу человека путь искал.

И он пришёл, обильной жатвы срок!
А ей спасибо, что, борясь с печалью,
Она раскрыла горькое молчанье
Нам неизвестных дневниковых строк.

В ней и самой художник говорит –
Слова и мысли трепетны и страстны.
Пусть жизнь законам времени подвластна,
Но вечны в мире отблески зари,
Стремленье к правде, трудной и прекрасной,
И незабудки с солнышком внутри!..

ИННЕ ЛИСНЯНСКОЙ

(после выхода сборника «Виноградный свет»)

Чёткое фото на первой странице:
Взгляд отрешённый раненой птицы.
Книгу раскрыла я – и зачиталась.
Словно незажитой раны касалась.
Так заболело, так защемило,
Словно со мною всё это было.
Только такого мужества нету –
Как обнажённой встать перед светом.
Прошное лечит, мудрости учит,
А тучи всё гуще, серые тучи...
Только высоко крест свой несите –
Свет виноградный не погасить им!..

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

(О генезисе интеллигенции и ее роли)

«Равного с равным бессмертные сводят».

Гомер. «Одиссея»

С тех пор как Петр Дмитриевич Боборыкин ввел в русский язык слово «интеллигенция» (60-е годы XIX в.), вошедшее впоследствии и во многие другие языки, не раз возникали споры о том, что оно означает и как выполняет свою миссию человек, носящий это звание.

Советские журналисты писали о неуклонном росте рядов интеллигенции. Российские – стали сомневаться в этом, а некоторые (кто с грустью, кто со злорадством) утверждают, что интеллигенция вымирает.

Кто же прав? Наверное, все. Но при этом каждый из них думает о своем интеллигенте, отличающемся от того, каким представляет его другой. Думает... А ведь еще Ларошфуко сказал, что «ум всегда в дураках у сердца». Так давайте у сердца и спросим, а уж потом умом сформулируем то, что нам оно подскажет. Согласится ли сердце признать интеллигентом, например, блестяще образованного Талейрана? «Нет», – сухо ответит оно. А благороднейшего Дерсу Узала? Тоже нет, повторит оно, хотя и с сожалением.

Воспользовавшись информацией, скрытой в этих ответах, и логикой Аристотеля, назвавшего остроумие просвещенной дерзостью, придем к выводу: интеллигентность – просвещенное благородство (речь о врожденном свойстве, не зависящем от социального происхождения).

Просвещение нужно обществу и им же обеспечивается, а благородство? Сущность его в бескорыстной и часто сопряженной с риском помощи слабым. Однако бескорыстным этот поступок является для того, кто его совершает, но не для Природы. Когда она, возжелав налюбоваться на самое себя понимающим глазом человека, одарила его разумом, человечество вырвалось из когтей и клыков общей борьбы за существование и поднялось над братьями своими (теперь уже «меньшими»), с которыми карабкалось по тропам эволюции долгие миллионы лет своей предыстории.

Впредь единственным достойным соперником для человека мог быть... человек же, а главным оружием – ум. Но не всегда умнее тот, кто крепче физически. К тому же собственно ум стал предпосылкой к овладению знанием и опытом, которые накапливались с возрастом,

и пик мудрости наступал позже пика телесной зрелости. Поэтому оказалось полезным охранять не только самок и детенышей, но и старшее поколение, слабых. Благо Природа, творящая многообразие, создавала и их защитников, наделенных удивительным свойством, названным потомками совестью.

Племена с большим числом совестливых людей, умножившие телесную силу молодых мудростью их родителей, стали побеждать соседей, продолжавших изгонять или убивать своих старых и слабых соплеменников. Наверное, уже на праязыке человека защитников слабых называли рожденными для блага -благородными, творящими, как говорят сегодня, «немотивированное добро». Но многообразие было бы неполным с одним только добром: с первого же дня своего появления оно схлестнулось с неизвестным наивному миру животных «немотивированным злом», внедренным в человеческие души Природой, пекущейся об эволюции, не мыслимой без борьбы.

Эта новая борьба не только ознаменовала начало истории человека разумного, но стала ее сутью. В ней средства, унаследованные от прежних времен, дополнились новыми, присущими только человеку. Она изощряла интеллект и укрепляла дух, раздвигая границы вселившихся в него добра и зла. И оказалось, что им так же нет предела, как нет предела совершенствованию человека.

Не помня, откуда пришли, и не понимая, куда влечет открывшаяся перед ними бесконечность, люди устремились к ней, обгоняя друг друга, чтобы попасть в очередной тур нескончаемого конкурса, в котором «горе побежденным!» Но и победитель не всякий угоден Природе. Бессмысленной для эволюции бойне неравных схваток она предпочитает бой равных. Только такая борьба, требуя от обеих сторон наивысшего напряжения сил, приводит к достижениям, оправдывающим звание гомо са-пиенс и венки победителя. Вот почему «равного с равным бессмертные сводят». А претворяют эту волю богов все те же рожденные для блага. Они выравнивают противоборствующие силы, становясь на сторону тех, кто слабее, нуждается в помощи, даже если это вчерашние противники. Ибо вечным врагом благородных является необузданная, подавляющая сила, откуда бы она ни исходила.

Наверное, поэтому надежда угнетенных – русский интеллигент, выступавший против самодержавия в пору его безраздельного властвования над покоренными народами, вставал на защиту своего царя, когда тот сам оказывался под угрозой превосходящих сил ополчившейся Европы или собственного люмпена. Может быть, поэтому советского диссидента, с риском для жизни сопротивлявшегося деспотизму вчера,

сегодня коробит даже полезное, но безопасное посмертное поношение развенчанных вождей.

Да, интеллигентов мало, но это потому, что благородные – за честный бой, и, вступая в него, они чаще гибнут. Не потому, что слабее своих противников. Больше других рискуя и не приемля многих средств борьбы, которыми не гнушается подлость, они уязвимее. И давно бы исчезли с лика Земли, если бы благородство передавалось по наследству как черты лица. Но, подобно таланту художника, благородство – дар Божий, распределяемый по принципу, хранимому в глубокой тайне от нас.

Пополняя редеющие ряды своих избранников в каждом новом поколении, Природа в целом поддерживает неизменным число благородных людей в народе. А те из них, кому удастся получить блестящее образование, и воспринимаются окружающими как интеллигенты.

В этом смысле русское слово «интеллигент» синонимично не западному «интеллектуал», а слову «джентльмен», то есть воспитанный и благородный человек. И так же, как выражение «джентльмен удачи», не обесценивает понятие «джентльмен» вообще, так и слово «интеллигент» не становится «ругательным» оттого, что бытует, например, выражение «мягкотелый интеллигент» – даже несмотря на то, что на блатном жаргоне интеллигентами называют людей, осужденных за должностные преступления.

Да и не имя красит человека. Опозорили же некогда звучное имя Герострат, а великий оратор прославил обыкновенную горошину (полатыни – цицерон). Нет, интеллигент не ругательное слово. С ростом культуры населения оно укрепит свои позиции, а в полностью просвещенном обществе слова «интеллигентный» и «благородный» станут синонимами. И не исчезнут носители этого звания, а значит, не исчезнут честь и достоинство, бескорыстие и возвышенность, милосердие и справедливость, великодушие и храбрость. Да, да, и храбрость, названная Лабрюйером особым настроением ума и сердца, к которому сводится и само благородство. Ведь настоящий интеллигент – это воинствующий интеллигент – Воин, который не побоится один выйти в поле; а выйдя, победит или умрет без надрыва и ложного пафоса, зная, что на смену ему придет новый, незнакомый, но близкий по духу человек, рожденный для блага; зная, что Воин так же бессмертен, как бессмертна сама Природа.

Спросившему – нужно ли тратить на культуру, когда на пищу не хватает денег, академик Лихачев ответил: нельзя же сначала есть, а потом дышать, – и то, и другое делается одновременно. Так мог сказать интеллигентный человек. Воинственным же Дмитрий Сергеевич был «по определению», поскольку это свойство предполагает мужественную защиту

проповедуемых идей, успешно проводимую Лихачевым-публицистом. Ведь мужество проявляется не только на войне, и если мы этого не замечаем, то, наверное, потому, что «гражданское мужество встречается реже, чем воинское» (Фейхтвангер).

Мужество помогло Лихачеву выдержать Соловецкие лагеря и Ленинградскую блокаду. Выдержать, не озлобившись на страну и свой народ, сохранив силы на научный подвиг. Подвиг, заключающийся и в том, что он реабилитировал древнерусскую культуру, названную по несправедливому приговору «культурой великого молчания».

Семьсот лет из тысячелетия русской литературы, игнорировавшихся из-за отсутствия собственных Шекспиров и Данте, вдруг предстали удивленному взору Европы и... России как хор, хоть без солистов, но поражающий своей монументальностью и величием целого...

Высветив причудливые переплетения изобразительного искусства и литературы прошлых столетий, академик-энциклопедист показал не только национальное своеобразие русской культуры, но и ее широкие международные связи. Неслучайно он стал почетным членом многих научных сообществ за рубежом.

Конечно, и родина оценила его заслуги, но он трудился не ради наград. Изучая биографию и труды академика Лихачева, вспоминаешь слова признанного во всем мире классика теории элитизма Гаэтано Моска об «аристократическом чувстве, какое только и может побуждать людей на служение благу своей страны без иных поощрений, кроме удовлетворения самолюбия».

И еще. На склоне лет, давая интервью, похожее на исповедь, академик Лихачев вспомнил о том, как в Соловецком лагере спрятался, когда за ним неожиданно пришел конвой. Впоследствии выяснилось, что для острастки расстреляли 300 наугад взятых заключенных... И Дмитрий Сергеевич сказал, что всю оставшуюся жизнь он старался работать за двоих, чтобы сделать и то, чего не смог сделать расстрелянный вместо него неизвестный человек...

Талант и просвещенность, мужество и совесть – об этом говорится в «Воине» – письме, которое я некогда послал Дмитрию Сергеевичу, «поддавшись первому душевному порыву», навеянному обаянием высокого Человека.

В.В. (ВЫСОЦКОМУ)

Прошло – так быстро – двадцать пять,
Как рядом с нами нет Володи.
Но кто впервой, а кто опять
Живём в плену его мелодий,
Живём в плену его стихов,
Таких пронзительных и хлёстких,
Свободных напрочь от оков
Партийной лжи и шуток плоских.
Я помню, слышал от отца
И от других, которых сотни,
Певца-артиста хрипотца
Неслась из каждой подворотни.
Не счесть числа магнитных лент
Всего его репертуара.
Хватило б их с десятков лет
Мотать вокруг земного шара.
В цехах, на стройках и в НИИ
Он был всегда желанным гостем.
Но чтоб с афишею – ни-ни,
Вы эти ваши штучки бросьте!
Шипели, тявкали взахлёб
С трибун цепные псы режима,
Что в песнях он своих поклёп
На нашу жизнь возвёл, вражина,
Что бросил русскую жену
Из-за какой-то иностранки,
Что выступал он в этом, ну,
В еврейском театре на Таганке.
Его хотели в грязь и в жмых
За власть цеплявшие бонзы.
А он живет всех живых!
Но только он теперь из бронзы.
Теперь он издан, как никто,
На полках – ленты, книги, диски.

Ещё остались нам кино
И современников записки.

Кольцо Бульварное. Шумят
Деревья пышною листвою.
Здесь на одной оси стоят
И с непокрытой головою
Встречают первый зимний снег
И летний зной, и дождь осенний,
Встречают двадцать первый век
Высоцкий, Пушкин и Есенин.

* * *

Он писал с тоски и горя,
Счастья знал куда как меньше.
Жизнь прожил, с судьбою споря,
И любил вино и женщин.
И ещё любил Россию
Самой нежною любовью.
Он не стал её мессией
И ушёл, умывшись кровью.
Сколько их, поэтов русских,
Что безвременно уснули,
На дорожках встретив узких
Петлю, нож, чухотку, пули.
Как любили их графини,
Танцовщицы и крестьянки!
Звон бокалов и графинов,
Заливная трель тальянки...
Без корысти, без оглядки –
Ах, кому какое дело –
Отдавали без остатка
Пыл души и прелесть тела.
И поэты их любили.
Отступали боль и резкость.
Щедры строчками дарили
Бесполезное на редкость –
Не для носки, не для варки –
Если можете, измерьте
Цену этому подарку
Под названием БЕССМЕРТЬЕ.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО

И приходит из космоса
Свет угасшей звезды.
До ближайшего хосписа
Меньше часа езды.
Свет идёт, не кончается
Через тысячи лет,
Свет идёт, не кончается,
А звезды уже нет.
Звезда давно угасла,
А этот чудный свет,
Пленительный и ясный,
Всего лишь слабый след
Свой свет раздавшей даром,
Не требовавшей mzды,
Сгоревшей жарким жаром
Красавицы звезды.
Из малютки наушника
Слышу голос певца.
Вижу дом из ракушника,
На ступенях – отца.
Песню слышу, как слышалась
Мне с тринадцати лет,
Песню слышу, как слышалась,
А певца уже нет.
Певец давно не с нами,
А песня всё звучит,
Отроческими снами
По памяти стучит.
Звонок. Артист на сцене.
Полёт крылатых рук.
Взметнулись птицы-тени,
И песни дивный звук...

Памяти Беллы Ахмадулиной

БЕЛЛА

Бесконечно печальная весть
Из эфира вчера долетела
И заставила молча присесть:
Навсегда нас покинула Белла.

В громяющем шуме столиц,
Городские прорвав децибелы
Пеньем вольно порхающих птиц
Нам дарила стихи свои Белла.

В них жила неземная любовь,
Без обмана жила, без предела.
Для друзей и читающих лбов
Ты была светлым праздником, Белла.

Ты ушла, но осталась в сердцах.
Для поэта нет выше удела.
В наших скромных домах, во дворцах
Да звучит твоя музыка, Белла.

Для кого-то уход твой – ничто,
А кому-то от этого плохо.
Кто-то скажет: «Так скоро. За что?»
Постепенно уходит эпоха.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Посвящение Федору Тютчеву

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора,
Весь день стоит, как бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

Еще гортензии кудрявы
И разноцветен флоксов ряд,
Сияют сочные дубравы,
Полянки зелены и сад.

Но у березки появилась
Уже пшеничная коса,
Свекольным цветом обагрилась
У виноградника лоза.

Уже темней синеют дали,
Притихли птичьи голоса,
И поле ближнее вспахали,
И утром холодна роса.

А солнце не палит, а светит,
И ласков воздуха глоток,
Но только чуткий глаз приметит
Неуловимый холодок.

6 сентября 2009

Его танцы – это скульптура в движении.
Огюст Роден о Вацлаве Нижинском

ФАВН

Зал замер. Свет потух.
Нижинский
 воцарился,
Колдующий, летящий дух
 открылся,
Лик мраморного божества
Лесов и светлых
 теней
Застыл, притронувшись
 едва
К ковру растений.

На нем забытая
 вуаль
Парившей нимфы,
Повергла наземь,
 взволновав
Лесного принца.
Застывший мрамор –
 оберег
Сокровищ танца,
Скульптура Фавна
 замерла
Под тайной
 глянца,
Весь мир поставлен
 на носок
Его таланта
Под занавес на миг
 сверкнет
Грань бриллианта.

СТАРЫЕ ВЕЩИ В КВАРТИРЕ БУЛГАКОВА

Пишущая машинка

Прикосновений скольких рук
Таит твоя клавиатура.
Витые буквы – ПЕТЕРБУРГ,
И тонкие звоночков гулы.
Клавиатура не молчит,
Все литеры в фасонной пляске.
Лист испещренный вверх скользит
С мольбою, преданной огласке.

Стол

Покинутый поэтом стол
Застыл в углу угрюмой глыбой,
Открытых ящиков укол.
Чужой и неприступный идол.

АХМАТОВОЙ

От ветвей Люксембургского сада,
(кто под сеньями их не бродил)
Разливалась сонетов отрада –
Модильяни их тут же творил,

На скамью Люксембургского сада,
Где Ахматовой снился Верлен,
Тень грядущего сбивчивым шагом
Наползала с сумой перемен.

Из аллея Люксембургского сада –
Лиловеющий тенями рок.
Юный Альтман, с одесской бравадой,
Переснял лиловеющий шелк.

Цвет песков Люксембургского сада
Шарфом желтым лежит на плече,
А художник, модель и отрада,
В Комарове в едином венце.

Посвящение Булату Окуджаве

«ТВЁРЖЕ ШАГ»

*...И снова переулком сапоги,
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки,
В затылки наши круглые глядят...*

Круглые затылки множатся и затуманиваются, расплываясь перед моими глазами.

Поверх стриженных затылков – в резком фокусе румяное лицо молоденького лейтенанта, нашего нового командира взвода. Он только что назначен и сейчас знакомится с личным составом в учебном классе.

– Нам нужна своя взводная строевая песня! – бодро объявляет лейтенант, – кто предложит?

Сквозь многоголосый гам слышу:

– Нет, эта уже у второго взвода... а эту взял третий взвод!

Мне кажется, что я знаю подходящую. Тяну руку. Командир жестом предлагает подняться. Встаю, представляюсь.

– Ну, слушаю! – торопит меня лейтенант.

Нараспев, стараясь держать ритм, начинаю декламировать:

*...Вы слышите, грохочет барабан,
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней,
Уходит взвод в туман, туман, туман,
И прошлое ясней, ясней, ясней...*

Лейтенант одобрительно кивает головой:

– Давайте к доске, рядовой!

Быстро иду по проходу, улавливая ироничное хмыканье земляков-москвичей. Предвкушают. Стуча мелом по доске, торопливо заполняю её чёткими буквами.

У лейтенанта уже напряжённое лицо. Он впился глазами в текст и тихо бормочет, шевеля губами, – «... его, должно быть, женщины крадут..., ммдааа., и через паузу, – «... а в нашем доме пахнет воровством...». Изучающе смотрит на меня:

– Что за песня, кто автор?

– Булат Окуджава! – радостно докладываю я.

Лейтенант в замешательстве. Что-то, кажется, слышал...

Автор, вроде, официальный...

Оборачиваясь, смотрит на весёлые лица солдат. После коротких раздумий решительно заявляет, – нет, это не годится, пойдёт! Нужно что-нибудь знакомое, привычное.

И под диктовку лейтенанта мы пишем в свои тетради слова знакомой песни «... о ракетчиках-солдатах, как лётчики, крылатых, хоть и не летают в облаках!» С чеканным строевым припевом «твёрже шаг, раз-два, слушай, враг, раз-два!»

Памяти В. С. Высоцкого в день его 50-летия

*«Я при жизни был рослым и стройным,
Не боялся ни слова, ни пули
И в привычные рамки не лез, –
Но с тех пор, как считаюсь покойным,
Охромил меня и согнули,
К пьедесталу прибав «Ахиллес»...»
В. Высоцкий «Памятник»*

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

25 января 1988 года. Был на кладбище. Впечатления ужасные. Толпы обывателей, с устремленными в одну точку глазами, рвутся к могиле, усыпанной цветами.

«... Саван сдернули – как я обужен, –
Нате смерти! –
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!»

Любить человека, который всю свою жизнь боролся с тупостью, хамством, бездуховностью – эти люди не могут. Жажда впечатлений, пикантных зрелищ влечет их на Ваганьково, заставляя ломиться через могилы, залезать с ногами на могильные памятники, чтобы увидеть, кто это там заблажил плохие стихи о поэте, желая приобщиться к событию. И лезет ведь не какая-нибудь молодежь со спартаковскими шарфами на шее. На могилы и могильные ограды забираются, задирая юбки, дряхлые, но шустрые старушки в валенках с галошами. Да еще и внучат подсаживают, – глядеть больно.

«... И почетный караул
Для приличия всплакнул...»

Вечером был в Лужниках. Здесь другое. На станции метро «Спортивная» прогуливаются, ожидая друг друга, породистые дамы с индифферентными лицами в дорогих шубах и носатые джентльмены в люксовски дубленках, высокомерно поглядывая на окружающих их безбилетников.

Да, да! Конечно! Мы знаем!!! Вы идете на благотворительный концерт во Дворец спорта. И билеты дорогие, и достать их было нелегко. И вас там должны увидеть «люди вашего круга».

Знаем и то, что вам, в сущности, наплевать на поэта. И песен его вы не знаете, и при жизни вы никогда бы не пошли на концерт «голодранца, босяка и скандалиста».

А сейчас, конечно, как не пойти... Ведь там сам Андрей Вознесенский отсасывает, как коктейль через соломинку, любовь народную.

Видел бы Высоцкий своих «друзей до гроба». Греются у его Имени как беспризорники у асфальтового котла.

«... Так почему же я лежу,
Дурака валяю,—
Ну почему, к примеру, не заржу -
Их не напугаю?»!

100-летию А. Твардовского посвящается

КАК ТЁРКИН ОСИРОТЕЛ...

...Кто у нас не знает Васю Тёркина? Может быть только очень молодые, которые уже много чего не знают. Ведь Ленина они сегодня считают последним русским царём, а Сталина – знаменитым крупным менеджером.

Но Василий Тёркин?! Легенда русского духа! Символ воина-победителя!

...С первых дней години горькой
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой...

А ведь был ещё и «Тёркин на том свете».

...Повторим: В расцвете лет
В самой доброй силе
Ненароком на тот свет
Прибыл наш Василий...

И вот, когда автор сам оказался там же, где и его герой, ему это аукнулось так...

Морозным декабрьским утром 1971 года дорога к Центральному Дому Литераторов оказалась наглухо перекрытой. На площади Восстания (ныне Кудринская) стояла плотная цепь милиции, перекрывая проход по улице к ЦДЛ, где проходила церемония прощания с поэтом.

Эх, Александр Трифонович! Церемония... Громко сказано. В Большом зале, где на сцене стоял гроб с покойным, было не более десятка людей и только самых близких.

А цепь милиционеров с трудом сдерживала плачущих женщин и растерянных мужчин, показывающих свои писательские и редакционные удостоверения и умоляющих милицейских начальников пропустить их проститься с поэтом, или, хотя бы, сообщить им, где, на каком кладбище будут хоронить его, чтобы успеть проводить в последний путь. Но начальство было молчаливо и непреклонно. Все возможные лазейки и проходы с соседних улиц были тоже надёжно заблокированы. А позади милицейской цепи, под аркой жилого дома топтался на морозе, прячась

в засаде на случай внезапного прорыва людьми милицейского кордона, оперативный отряд краснопресненских комсомольцев-дружинников. Находясь в составе этой группы «казачков», я, как и мои товарищи, в то время плохо понимал, по глупости и молодости лет, что участвуем мы в позорном историческом действе, для чего нас освободили в этот день от работы, выдав липовые справки-повестки из милиции о вызове свидетелями в суд. Но именно это неприглядное участие позволило мне проститься с Александром Твардовским.

Где-то через пару часов нашего топтания под аркой, командир отряда поручает мне с напарником осмотреть соседние дворы и переулки. Вот тогда-то я и услышал пароль для прохода в Дом литераторов от патрульного милиционера, говорившего по рации с начальством. Мы с товарищем моментально воспользовались этим «подарком».

Перед входом в ЦДЛ стоят несколько человек. Вдруг появляется небольшой автомобиль, кажется, «Рено». Из него выходит невысокий крепыш в клетчатой кепочке с букетом цветов.

– Высоцкий! – шепчет мне на ухо мой товарищ.

– Да нет! – тоже шепотом, сомневаясь, возражаю я.

– Высоцкий, Высоцкий... успокойтесь! – раздраженно и тоже шепотом разрешает наш спор пожилой человек, стоящий рядом.

В большом зале пугающе пусто. На первых рядах несколько родственников с потухшими лицами, женщины вытирают платками слёзы. Медленно подходим к сцене, где стоит гроб. На минуту останавливаемся, кланяемся, прощаясь с легендарным поэтом, чьи стихи знаем с детства, и, ошеломлённые гнетущей пустотой, тихо выходим из зала.

Прощай, Александр Трифонович! Прощай, создатель незабываемого Тёркина.

РОБЕРТУ БЁРНСУ

Привет тебе, шотландский гений,
Не знавший литобъединений,
Не накопивший в жизни пенни,
Чудесный бард.
Сажал ты Дженни на колени
И был ей рад.

Ты воспевал старушку-клячу,
Порою дружен был с удачей,
И приносил не только сдачу
В свой кабачок.
И задавал ногам задачу,
Но тсс... молчок!

Тебе подружки Лиззи, Мэри
Охотно открывали двери.
Ну кто из них не мог поверить
Любимцу муз?
Но не ценил ты канители
Ненужных уз.

Когда же ты добился славы,
То не забыл свой плуг и травы
И светской лести, как отравы,
Не принимал.
И пулей меткой эпиграммы
Бил наповал.

Порою мне бывает туго –
То загрустит моя подруга,
То выбьет вновь меня из круга —
Всё пустяки,
Когда открою томик друга,
Его стихи.

ДИРИЖЁР

Блистательный маэстро,
Ликующий маэстро,
Дыхание оркестра,
Движение и звук.

Светлей не знаю места,
Слышней не знаю места,
Чем этот яркий, тесный,
Звучащий полукруг.

Одна его улыбка –
И стала звонче скрипка,
Сильнее барабаны,
Нежнее контрабас.

По праву вдохновенья
Он дарит нам волненья
И в плен без сожаленья
Захватывает нас.

БУЛАТУ ОКУДЖАВЕ

Настали времена –
Ни вскрикнуть, ни заплакать.
Душа подметена,
И эхо бьет от стен.
Пластинки черный диск
Из музыки и мрака
Вращается под ветром перемен.

Настали времена,
Не мудрствуя лукаво,
На башне угловой
Повесить белый флаг.
Но сказочник Москвы -
Волшебник Окуджава
Поведает,
Что всё совсем не так.

Что наши времена -
Уверены мы в этом -
И плакать, и любить,
И поднимать с колен...
Пластинки ясный диск
Из музыки и света
Вращается под ветром перемен.

«Зачем я плачу пред тобой...»

Э. Рязанов

ЕЛЕНЕ КАМБУРОВОЙ

Божьим промыслом откован
Из раздумья и мечты,
Этот голос родниковый
Высочайшей чистоты.

И пока звучит и длится
С небом песенная связь,
Вся душа – большая птица –
От земли оторвалась.

И витает, слез не пряча,
Поднимаясь над судьбой...
Голос смолк. А я всё плачу
Так некстати пред тобой.

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Твой сборник, черный глянec с серебром,
Он благороден, как сосуд античный.
Ажурный стих струится мелодично,
Начертанный изысканным пером.

То будто флейты отдаленной трель,
То вздох органа, мощный и печальный...
Но более всего – виолончель,
Твой лучший инструмент исповедальный.

Высоких слов причудливая вязь,
Орнаменты тончайшей филиграни...
И странная произрастает связь
Меж музыкой, душою и стихами.

Чего здесь нет – так звука медных труб.
Открою том с твоим лицом осенним -
И нет ни лет, ни горькой складки губ...
Лишь женщина, гармония и гений.

ЮННЕ МОРИЦ

Дни – как века. А я доныне есть.
И более того – лета неощутимы.
Вернее, ощутимы не лета,
А хворь досадная, усталость, суета
И в зеркале отчетливом морщины.

А нынче – март, и солнце в облаках,
В горшке цветочном буйное растение...
И буйное спешит стихотворенье,
Что заплутало в пасмурных веках.

И явствует, что радостный мотив
И правда не напрасен в человеке.
И теплых луж торжественный разлив
Прекрасен ныне, присно и вовеки!..

ПОЭТУ БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Ночное чтение, стих нерукотворный,
Избранник книжной полки в изголовье,
Несовременный, чистый и узорный
Высокий слог, рождаемый любовью!

Не зная, узнаю в летящей строчке
Поэта – жаворонка, бабочку, синицу,
Всё, что крылато, что цветку и почке
Присуще, всё, что ввысь стремится
И. душу увлекая за собой,
Становится и жизнью, и судьбой.

МУЗЫКАНТУ

Ручей хрустальный льется с пальцев тонких,
С послушных клавиш – в сердце, через край...
Душа летит смеющимся ребенком
По свежим травам, чье название Рай.

Лишь Музыке доступно откровенье,
Тяжеловесно Слово и темно.
И если в покаянии спасенье,
То Музыкой озвучено оно...

ГАРРИ ГОРДОНУ

Книга на птичьих правах
В доме моем поселилась.
И в изголовье живёт,
Открываясь нечасто и скупю.
Тот, кто её сочинял,
И сам был, наверное, птицей,
Но не ручной и не певчей,
А дикой, мятежной, морской.

Как же, должно быть, пьянит
Ветер, срывающий пену
С гривы высокой волны.
Как упругие перья пружинят
И устремляются вверх,
В разреженный воздух свободы.

Птичья работа – полёт,
Долгий полёт, одинокий...
Птицы подобных пород
Никогда не сбиваются в стаи.

ПОЭТУ ЮЛИИ ПОКРОВСКОЙ

Дар Божий, – говорят, – дар Божий...
Само собой. Если не Он, то кто же
сложил слова в певучую строку
и нашептал провидцу, чудаку,
играющему с рифмой своевольной,
то, что душе целительно и больно.

ЛЮДМИЛЕ КОЛОДЯЖНОЙ

Он словно запрокинут вверх,
Твой стих – лицом к небесной выси.
Сначала звук, потом – напев,
Слиянье музыки и мысли.

Как дальний струнный перебор,
Негромкий, тающий, скользящий...
Но вдруг, на выдохе – аккорд
Строкой коснётся – настоящей...

С ЭПИГРАФОМ ИЗ АХМАТОВОЙ

*«Не на листопадном асфальте
будешь долго ждать...»*

Под покровом
полуночной скуки
город мой затих.
Лишь февраль
в косых линейках выюги
пишет белый стих.

Опрокинулось
на землю небо
в бликах фонарей...
Может был ты,
может быть и не был
в осени моей.

От шуршанья листьев
было жарко,
от пожара глаз.
Радуга
оранжевого парка
проводжала нас...

Я осеннего
свиданья-вальса
буду ждать и ждать.
Мы на листопадном асфальте
встретимся опять.

Б. Окуджаве

* * *

В стихию стиха – как в спасение,
Когда захлестнёт ощущение
Корыстного отношения.
И долго не отступает,
Не покидает, не исчезает
Жмёт и ломает, и крутит.
Гнётом сознание мутит,
Мешает воспарению.
Для воспарения, вдохновенья
Хотя бы чуть-чуть восхваления
Но без корысти, без зависти.
Теплятся где-то желания, чувства.
Отмахнуться бы от шершавых,
Нахлынувших вдруг предчувствий.
Различить бы неправых и правых.
При ощущении серости грусти
Краски забыли засохшие кисти.
Пронзителен шёпот в тиши
Одиноко бредущей души.
Тяжёлая дверь и дверная коробка -
Символ спокойствия, доброго лада
И ощущаются зябко
Искорки тёплого взгляда.
Ставящие под сомненье
Ценность закрытой двери.
Смирно стоят у порога
Грабли и сапоги.
И зашуршала дорога,
Считающая шаги...

ДЕКАБРИСТКИ

*И вестницы благие Провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.
Александр Одоевский*

Наш поезд мчался по Великой транссибирской магистрали. Мелькали города и реки. После Иркутска часть нашего пути пролежала вдоль берега озера Байкал. Мы прилипли к окнам вагона и долго провожали взглядом пейзажи редкой красоты: уходящую за горизонт изумрудно-серую водную гладь, окантованную нескончаемой горной грядой из заснеженных пиков и заросших лесом зелёных впадин.

Путь самоотверженных женщин, добровольно последовавших за участниками восстания 1825 г., был совсем не так красив и удобен, как нам. Но во имя любви и долга они не только помогли скрасить жизнь своим мужьям, но и разделили с ними все тяготы жизни на каторге и в ссылке. Их стали называть декабристками.

За шесть тысяч километров год назад большая группа членов Общества «Наследие декабристов» отправилась в Забайкальский край. Эта поездка называлась: «Подвиг Любви – Русские Женщины».

Мы поехали в Читу и Петровск-Забайкальский, чтобы воочию увидеть, где был Читинский острог и тюрьма в Петровском заводе, где декабристы провели самый тяжелый период своего пребывания в Сибири. На это восстание Фёдор Тютчев отзывался так:

О, жертвы мысли безрассудной!
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной
Чтоб вечный полюс растопить.

В Чите каторжан поместили в тесном, душном и грязном остроге. Кроме того, их угнетал постоянный звон собственных цепей.

Первой из жён туда приехала Александра Муравьева. Не боясь возможного наказания, она привезла послание Александра Пушкина «Во глубине Сибирских руд...».

Затем в разное время приехали: Екатерина Трубецкая, Елизавета Нарышкина, Мария Волконская, Александра Давыдова, Анна Розен,

Александра Ентальцева, Наталья Фонвизина, Мария Юшневская. И две француженки Полина Гебль и Камилла Ледантю.

Найдём мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.

Посвятил им свои строки Николай Некрасов в поэме «Русские женщины».

Впоследствии узникам из Читы пришлось пешком пройти более шестисот вёрст в посёлок Петровский завод, где в каземате были тёмные камеры без окон. Лишь через год, благодаря многочисленным жалобам жён, в них прорубили маленькие, едва пропускающие свет окошки.

Царь запретил брать с собой детей в ссылку. Княгиня Мария Николаевна Волконская отправилась туда без сына. Сергей Волконский, увидев жену, побежал к ней, гремя кандалами. «Вид его цепей так взволновал и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и сначала поцеловала кандалы, а затем его самого», – вспоминала она потом в своих записках.

Неоценим вклад, который эти женщины внесли в жизнь дикого и сурового края. Высокая нравственность, терпение и стойкость декабристок не имеют больше примеров ни в России, ни в других странах. «Пленительные образы!.. Их имена забыться не должны», – восхищался ими Николай Некрасов.

«МОЙ ПУШКИН»

Наступало лето, и я ехала к бабушке. Поезд подходил к станции «Полотняный завод», и мы с мамой, груженные вещами, должны были идти пешком до нашей деревни с милым названием Травкино.

И вот мы проходим мимо разрушенных построек Полотняного завода, мимо бывшей усадьбы Гончаровых, окаймленной деревьями. Красивое место, но тогда забытое историей. Это потом о нем вспомнят, как о святыне, где ступала нога величайшего из поэтов, и где он с трепещущим сердцем делал предложение красавице Наталье Гончаровой – «чистейшей прелести чистейший образец».

А сейчас, минуя последний дом на тихой улице небольшого поселка, и не задумываясь об истории, я оказалась на широких русских просторах.

И может быть, потому что еще было далеко или само место дало неосознанный толчок, но в такт моим некрупным шагам я вдруг начала:

- У Лукоморья дуб зеленый,
- Златая цепь на дубе том,
- И днем и ночью кот ученый...

Ветерок развеивал мое ситцевое платьице, а длинные косы отбивали ритм:

- Там ступа с Бабою Ягой
- Идет бредет сама собой...

Когда я замолкала, мама продолжала:

- Но страстью пылкой утомлённый
- Ни ест, ни пьёт Руслан влюблённый...

Так мы шагаем, вокруг поля и луга, бабочки выются возле нас, гудят пчелы, и аромат от цветов стоит такой, что от него кружится голова.

- В слезах отчаяния Людмила
- От ужаса лицо закрыла.

– Увы, что ждёт её теперь! – довольная собой, вспомнила я.

Но вон и одинокое раскидистое дерево – это моя примета – теперь уже близко. А мама тем временем продолжает:

- Руслан летит к Людмиле спящей,
- Ее спокойного лица
- Касается рукой дрожащей...

- И чудо: юная княжна,
- Вздохнув, открыла светлы очи!..

Ну, наконец-то, последняя подгорка, и в горку я почти бегу, хотя сил никаких нет. То ли помог Пушкин, то ли радость от конца пути и встречи с моей дорогой бабушкой. Бабушка, завидев меня, ахает, всплескивает руками и роняет их на фартук. Я подбегаю к ней, мы обнимаемся, целуемся и заходим в дом. Пахнет хлебом, медом, ягодами и чем-то еще необъяснимым и родным. Мы дарим ей свои подарки, она угощает нас. Потом я стремглав вылетаю на улицу, там меня уже ждут мои друзья. С ними пройдет мое деревенское лето.

Полотняный завод – это имение Гончаровых. На заводе производили льняное полотно для парусного флота. Наибольший расцвет производство достигло в 17–18 веках. Весь английский огромный флот и часть русского снабжались этим полотном. Во время Великой Отечественной войны дом был полностью разрушен. И благодаря президентскому Гранту дом Гончаровых сейчас восстановлен.

ПОЭТЕССА

Но налетающие стрессы
Владеют тайным языком,

Чтоб услыхала поэтесса
Стихи, подсказанные сном.

Вы, истин тайных адресаты,
Кто слышит шепот тишины,

Стихи – опасные десанты
Чужого мира в наши сны.

И обо мне – молчащей, бывшей,
Забывшей строф своих полет –

Скажите: пусть она не пишет.
Все потеряет – ЧТО найдет?

ПРИТЧА

Некто попал в мир, где деньги мало что значили. Вот видит: люди обмениваются стихами, картинами. А он предложил деньги – его не поняли. Спросили – может быть, у тебя еще что-нибудь есть? Он думал-думал: часы есть – золотые... А мы – по солнцу. Ну, куртка кожаная новая... Да, вроде, все одеты. Ну, не знаю что – и заплакал от отчаяния. Тонко так, безнадежно. Увлёкся, сидит, поет тоскливо, жалобно, без слов.

Ну вот же, говорят, вот – петь-то умеешь...

«МЫ РОЖДЕНЫ ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ»
Альманах произведений
участников Литературного объединения
Центрального дома ученых
Российской Академии наук
Под редакцией к. филол. наук Л. И. Колодяжной
Рисунок на обложке Е. Кудрявцева

Издательство «Линор», Москва, тел. (495) 310-2629. Подписано в печать 28.03.2011.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 7. Отпечатано в типографии издательства «Нефть и газ»